

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ

КОНКУРС НА ТОТ СВЕТ

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Сергей Павлович Бакшеев

Конкурс на тот свет

Серия «Опасные тайны», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6101556

Аннотация

Еще вчера Тихон Заколов был обычным парнем, а сегодня стал участником жутких событий, которые перевернули его жизнь. В институте исчезают девушки. Маленький город в панике. Тихон попадает в число подозреваемых. Иначе откуда у него белье убитой? И почему он знает, где спрятано тело? Тихон понимает, что настоящий убийца рядом с ним. Им может быть даже друг и любимая девушка.

Это первый роман серии «Опасные тайны Тихона Заколова».

Содержание

Пролог, похожий на эпилог	5
Глава 1. Наташа	9
Глава 2. Тарантул	15
Глава 3. Первые знакомства	23
Глава 4. Женские трусики «Monday»	33
Глава 5. Расследование начинается	42
Глава 6. Операция «Поймай маньяка»	49
Глава 7. Подвал раскрывает свою тайну	64
Глава 8. Новая версия	79
Глава 9. Гора Арарат и бюстгальтер в мужской комнате	89
Глава 10. Отец Светы	104
Глава 11. Пленник подземелья	113
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Сергей Бакшеев

Конкурс на тот свет

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог, похожий на эпилог

Тихон Заколов несется вверх по лестнице. Ладонь рывками хватая перила, ноги перепрыгивают через ступеньки. На каждом этаже он бросает взгляд в длинный коридор студенческого общежития. Сашки Евтушенко нигде нет. На пятом этаже в потолке зияет черный квадрат, идеальный цвет которого портят лишь блеклые крапинки звезд. По лязгающей железной лесенке Заколов выбирается на крышу. Безлунная ночь смазывает очертания. Где кончается здание и начинается пустота – не разобрать.

Заколов осторожно шагает в темноту. Вздувшийся битум плоской крыши сонно чмокает под ногами.

Питоконда должна быть здесь!

Тихон не замечает, как от вентиляционного короба отделяется черная фигура. Она за спиной. Двигается стремительно. Над головой Заколова возносится рука и цепляет за плечо:

– Стой!

Резкое движение и отрывистый шепот заставляет Тихона вздрогнуть, но по блеску очков, выплывающих из темноты, он узнает лицо друга.

– Где? – шепотом спрашивает он Сашу. Напряженные глаза постепенно привыкают к темноте.

– Там, – рука указывает на смутную согнутую фигуру у

края крыши. – Отсюда не уйдет, перекроем выход и будем ждать милицию.

– Словно призрак. – Заколов пытается разглядеть убийцу, который всегда был рядом, но много дней его не удавалось вычислить. – Питоконда...

– Да. И теперь все ясно. Хотя...

– То, что произошло сегодня, у меня в голове не укладывается, – Заколов решительно направляется к темному призраку, в его голосе сквозит негодование: – Эй! Где здесь логика?! Зачем потребовалось столько жертв?

Фигура выпрямляется, блестит хищный оскал. Тихон растерян: неужели человек способен так измениться?

– Не подходи! – кричит Сашка, первым заметивший неладное.

Призрак стремглав бросается на Заколова, в поднятой руке кирпич, тишину разрывает злобный крик. В последнее мгновение Тихон успевает упасть в сторону и откатиться. Призрак проскакивает мимо. Низкая решетка ограждения хрустит от врезавшегося тела, где-то внизу раздается стук упавшего кирпича. Темная фигура, охнув, переваливается через край крыши.

Заколов подбегает к сломанной решетке. Человек, в обгоревшей одежде, извивается, пытаясь упереться ногами о гладкую стену. Пятнадцатую метрами ниже ждет равнодушная полоса бетона. Грязные руки судорожно цепляются за согнутые прутья.

Тихон распластывается на животе и хватает убийцу за запястье. Выскакивает еще один прут, кусочки бетона брызжут вниз, решетка держится на одной согнутой арматурине. Тихон изо всех сил тянет руку вверх. Упереться не во что.

– Держи меня за ноги, – кричит он Сашке.

– Это опасно! – Сашка вдавливая ноги друга в битум крыши. – Лучше брось!

Заколов придвигается к самому краю. Дикий взгляд отчаянья и ненависти пожирает его. Ограждение ломается, железки, перевернувшись в воздухе, звякают о бетон. Убийца соскальзывает. Тихон успевает перехватить сорвавшиеся пальцы второй рукой. Он подтягивает тело, обдирая локти.

Еще усилие и призрак ложится грудью на крышу. Сашка помогает втащить убийцу.

Тихон устало поднимается. Руки упираются в колени, грудь вздымается от частых вдохов. Рядом копошится спасенный преступник.

– Зря, – сокрушается Сашка.

Тихон готов объяснить ценность каждой человеческой жизни. Вдруг подлый удар толкает его в спину. Он теряет равновесие, вскидывает руки и летит с крыши.

– Не-ет! – разносится в ночи протяжный крик Сашки.

Он видит, как с пятиэтажного здания падает лучший друг. И ничем не может помочь. Сзади удаляются торопливые шаги призрака.

Тело Тихона вытягивается над бездной. Несколько секунд

падения – и все будет кончено. Говорят, что в эти мгновения перед глазами проносится вся жизнь.

Глава 1. Наташа

Самая яркая вспышка воспоминаний – явление Наташи!

Сначала в темном проеме открытой двери возник размытый силуэт с книгой в руке.

Тихон заворожено наблюдал, как по мере продвижения девушки в светлую комнату проявляются стройные лодыжки, круглые коленки, оборка легкого платья, втянутый живот, небольшая грудь и узкие бретельки на худых плечах. Девушка встала. Лицо ее оставалось в тени, а Тихон тупо смотрел на выступающие под тонкой тканью пупырышки сосков. Потом она сделала еще один шаг, и образ завершили локоны светло-соломенных волос, легкими струями спадающие за спину, курносый нос, очки в темной оправе и тяжелая челка, с трудом удерживаемая мощной заколкой.

Аляповатые очки на аккуратном личике выглядели так неестественно, словно были дорисованы дерзкой рукой школьника на фотографии в глянцевом журнале.

– Привет, – бойко произнесло вошедшее явление.

– Привет, – промямлил Тихон. – Ты Света?

– Нет, я Наташа. Света там, в комнате осталась. Я к вам насчет одного примера.

Систему тригонометрических уравнений Заколов осилил быстро, о чем сразу пожалел.

Красивая девушка упорхнула, чтобы показать решение

подружке. Но вскоре она примчалась.

– Света пропала! – В глазах то ли страх, то ли озорство.

– Ее украл злой колдун, – мрачным тоном пошутил Тихон. – Но я берусь ее спасти. Идем!

Посредине девичьей комнаты стояли красные туфли на высоких каблуках.

– Это Светины. Она их разнашивает, – пояснила Наташа. – Хочет на первое сентября надеть, когда в институт поступим. Куда она делась?

– Объявим всесоюзный розыск! – улыбнулся Заколов. Его умиляло волнение девушки.

Света исчезла первой из абитуриенток. Тогда никто не знал о Питоконде, и можно было улыбаться.

А следующая вспышка – долгожданный институт, в котором еще не поселилась пугающая тревога.

Облокотившись о подоконник, Тихон и Саша стояли в холле у открытого окна. Во всю силу припекало распухшее от дурной силы полуденное казахстанское солнце. В грудь толкались жаркие воздушные волны.

– Жара... – тяжело выдохнул Саша, поправив очки на прямом узком носу. Его стройная фигура почти не делала лишних движений, а умный взгляд изучал убогую растительность.

– Жара прямо давит, – подтвердил Тихон, расстегивая воротник. Легкая рубашка благодарно разъехалась на широкой

груди. На висках поблескивали капельки пота.

– Все по закону. Повышается температура – повышается давление газа, – заметил Евтушенко.

– Это справедливо только для замкнутых объемов, – возразил Тихон.

– Наша планета вместе с атмосферой ограничена.

– Логично, я чувствую себя, как в банке – согласился Заколов.

В холле вертелась фигуристая девчушка. Она то и дело что-то поправляла в нехитрой одежде и поглядывала на ребят. Рядом ее мать изучала стенд приемной комиссии. Напряженные глаза переползали с одной бумажки на другую. Распахнулась дверь. Выплыла сонная дама, принимавшая документы.

– Заколов и Евтушенко, – позвала она. – Вот направление в общежитие. Это только на период вступительных экзаменов.

– А потом? – насторожился Заколов.

– Вы сначала поступите. Абитуриентов в этом году хоть отбавляй.

– Ой, а сколько? – живо встрепенулась женщина около стенда.

– С этими, – дама махнула ладошкой в сторону ребят, – триста пятьдесят два человека получается.

В холл бесшумно вошел полнеющий мужчина лет сорока в элегантных дымчатых очках, светлых брюках и в строгой

белой рубашке.

– Вот как? – заинтересовался он. – Мы, Люся, перекрыли рекорд прошлого семьдесят шестого года.

– Да, Владлен Валентинович. Конкурс – три человека на место, – вежливо согласилась дама из приемной комиссии.

– Два и восемьсот шестнадцать, – брякнул Тихон.

– Чего, два восемьсот шестнадцать? – Владлен Валентинович строго посмотрел на ребят.

– Триста пятьдесят два кандидата на сто двадцать пять мест – две целых и восемьсот шестнадцать сотых получается, – лениво разъяснил Тихон.

Евтушенко снисходительно улыбнулся. Он-то знал о феноменальном умении Заколова производить в уме гораздо более сложные математические вычисления.

– Возможно, – скептически согласился Владлен Валентинович. – А в прошлом году, по-моему, было триста двенадцать абитуриентов?

– Значит, конкурс – два четыреста девяносто шесть. Сейчас почти на тринадцать процентов больше.

– Хм-м, – задумчиво вывернул губу Павленко. Создавалось впечатление, что он старался запомнить цифры.

– Ой, как же много! И какие все умные! – изумилась мамаша.

– Больше не будет. Сегодня последний день подачи документов. – Люся блаженно улыбнулась.

– Лизонька, доченька, ты должна быть очень вниматель-

ной на экзаменах, – запричитала женщина, ухватив девушку за руку. – Какой огромный конкурс!

Все посмотрели на девушку в джинсовой расклешенной мини юбке и светлой блузке без рукавов. Она равнодушно вертела бежевыми босоножками, не обращая внимания на приставания матери. Владлен Валентинович невольно уткнулся на точеные бедра, притертые друг к другу. Ему нравилась нынешняя мода на мини, когда юбчонка или платице практически ничего не прикрывают.

– Ладно, потопали в общагу, – громко обратился Тихон к Сашке.

Эти слова вывели из оцепенения Владлена Валентиновича. Он оторвал застывший взгляд от девичьих прелестей и нудно затараторил:

– Запомните, накануне каждого экзамена, мы даем консультацию по соответствующему предмету. Опытные преподаватели разбирают важные примеры из прошлых лет. Это поможет вам правильно изложить решение во время экзамена. Расписание вывешено на стенде. Желаю успехов!

Владлен Валентинович развернулся и быстро исчез в закоулках института. Шагал он на удивление бесшумно, словно призрак. Наблюдательный Заколов подумал: а ведь преподаватель сюда зачем-то шел, неужели только для того, чтобы повторить информацию со стенда?

– Это ваш директор? – вежливо поинтересовался Тихон у Люси.

– Владлен Валентинович – зав кафедрой марксизма-ленинизма, доцент. – Уважительно пояснила дама. – В этом году он – председатель приемной комиссии.

– Ой, какой ценный человек! – всплеснула руками мамаша. – Лизонька, запомни его и здоровайся при встрече. Да не смотри ты в пол! Послушай, маму!

Глава 2. Тарантул

Первая консультация по алгебре состоялась следующим утром.

Во второй половине дня, скрываясь от жары, Тихон в шортах безмятежно дремал на кровати в общежитии. Казалось, что в ожидании вечерней прохлады все живое замерло. Но это было не так.

По голому натренированному телу осторожно пробирался большой мохнатый паук. Вот лапки песочного цвета застыли над пупком. Паук опустил голову, изучил ямку щупальцами по краям рта. Ямка показалась маловата, паук засеменял выше. На груди он придиричливо изучил густые волоски. Неплохое место для засады. Преодолев черные заросли, паук оказался на гладкой шее. Восемь лапок почувствовали более теплую и мягкую поверхность. Паук опустил щупальца. Горячее биение и запах белковой пищи возбудили аппетит. Паук раздвинул мощные челюсти-хелицеры с острыми коготками. Ядовитые железы сжались, готовясь выплеснуть порцию яда.

Толкнув дверь, в комнату вошла взволнованная Наташа. Взгляд девушки упал на страшного паука. И без того встревоженное лицо исказилось от ужаса.

– Ааааа! – закричала она.

Заколов приоткрыл один глаз, пальцы мягко схватили паука.

– Что ты кричишь? – Тихон разочарованно смотрел на девушку. – Тротю испугаешь.

– Я... он, – Наташа растерянно тыкала пальцем. – Он ядовитый. Это тарантул!

– Знаю. – Тихон опустил паука в банку.

Сегодня после консультации он вместе с Евтушенко ходил купаться на Сырдарью. На географической карте ее изображали синей жирной линией, как одну из великих рек средней Азии. Когда-то, наверное, так и было, о чем свидетельствовала насыпная дамба, отгораживающая город от реки. Но сейчас от дамбы до воды тянулась добрая сотня шагов.

На обратном пути в общежитие Тихон заметил тарантула. Огромный паук караулил добычу в песчаной дамбе. Пройти мимо такого замечательного экземпляра Тихон не мог. Он накрыл его футболкой и взял с собой.

– Это мой друг, Тротя, – пояснил Заколов. – Я хотел, чтобы он запомнил мой запах и больше не боялся.

– Он же мог укусить?

– Это логично. Но его укус далеко не смертелен. Меня уже кусали тарантулы. – Заколов посмотрел на Тротю и широко улыбнулся: – Я люблю пауков.

– Ты любишь пауков? – недоумевала девушка.

– Да. Это сильные индивидуумы. Не то, что муравьи или пчелы, у которых гипертрофированное стадное чувство. – Тихон встал, подошел к раковине. – Сейчас посмотрим, есть ли у нас что-нибудь на обед для Троти.

На краю умывальника лежала бумага, покрытая тонким слоем клея «Момент». Сверху были насыпаны крошки сыра. В одну из крошек вцепился большой рыжий таракан. Он яростно шевелил длинными усами, но лапки насекомого намертво увязли в клее.

– А тебя, прусак, никто в гости не звал. – Тихон оторвал таракана и поднес к пауку. – Милости просим к столу, Тротя.

Таракан шлепнулся на дно банки. Несколько лапок насекомого остались в клее, без них он представлял легкую добычу для тарантула. Паук приподнял головогрудь с четырьмя парами глаз и в мгновение ока настиг жертву. Хелицеры

с острыми коготками сомкнулись на брюшке таракана.

– Сейчас Тротя через коготки впрыскивает яд, – пояснил Тихон пораженной Наташе.

– Ужас!

– Это жизнь, – вздохнул Тихон.

Тело таракана перестало дергаться, усики опали. Тарантул разжал хелицеры, ощупал жертву и отошел.

– Он убил его и не съел? – удивилась девушка.

– Пауки гурманы. Вместе с ядом он впрыснул пищеварительные соки. Сначала внутренности и твердый панцирь превратятся в желе. Вот тогда Тротя примется за трапезу.

Паук замер, словно прислушиваясь к разговору людей.

– А он нас слышит? – поинтересовалась Наташа.

– Плохо. Но очень хорошо воспринимает запахи. Поэтому я и пустил его прогуляться по телу. Он запомнил мой запах и этот же запах учуял на таракане. Теперь я его друг, ведь я приношу ему пищу.

– Ты странный. Дружишь с пауками.

«Не только», – хотел добавить Тихон, но заметил в глазах девушки тревогу.

– Боишься экзамена?

– Тихон, я не знаю что делать. Я вся, как на иголках. – Наташа заметно нервничала. – Света пропала!

– Как пропала? Опять?

– Пошла в туалет и не вернулась.

– Утонула? Надо вызвать сантехника, – рассмеялся Тихон.

Он вспомнил, как вчера с удовольствием помогал девушкам решать задачи. Наташа внимательно слушала объяснения Тихона, заглядывала в глаза, и проявляла детское восхищение его точными быстрыми решениями. Света всем видом выказывала равнодушие, мол, ишь какой умный выискался, мы и без тебя все знаем, не такие дуры! После общения Наташа показалась Тихону потрясающе обаятельной, а Света – неприятной занудой.

– Нет, ты ничего не понял, – на глазах Наташи выступили слезы. – Света пропала еще утром, в институте!

В комнату вошел Сашка Евтушенко. Он вытирал голову после душа.

– Ладно, успокойся, – посерьезнел Заколов. Если Света была ему безразлична, то видеть слезы на милом лице он спокойно не мог. – Сейчас мы оденемся и заглянем к тебе. Расскажешь подробнее.

Через минуту Заколов вместе с Евтушенко был у Наташи. Девушка сидела на кровати, поджав ноги, и тихо вытирала глаза.

– Наташа, не паникуй! Ерунда какая-то, а ты в слезы! – Друзья деловито уселись за стол. Тихон с усилием отводил глаза от круглых девичьих коленок. – Рассказывай, что произошло?

Девушка зажала в кулачке мокрый платочек и с надеждой посмотрела на ребят. Покрасневшие глаза ничуть не испортили симпатичное личико.

– После консультации мы задержались, чтобы задать вопросы преподавателю, – заговорила она. – Света сказала, что зайдет в туалет. Я вместе с другими, оставалась в аудитории. Потом, когда все разошлись, я ждала у выхода. Ее все не было и не было! Я осталась совершенно одна. Большой холл, длинный коридор – и никого! Мне стало тревожно. Я заглянула в туалет, а там пусто. – Наташа захныкала. – Я долго бродила по коридорам, но Светки нигде не было! Я подумала, что она ушла в общежитие. Прибежала сюда, но ее здесь тоже нет!

– Откуда ты знаешь, что она не возвращалась? – спросил Тихон и огляделся.

– Ключ от комнаты был у меня. Мы его на вахту утром не сдавали.

– Возможно, она вернулась и сидит у кого-то в гостях, тебя дожидается? – продолжал гнуть свою линию Тихон.

– Всех, с кем мы знакомы, я уже обошла. Нет ее! А к другим она вряд ли пойдет, она не компанейская.

– А в этом городе у нее есть родственники или знакомые? – спросил Сашка.

– Нет! Откуда?

– За этот месяц она с кем-нибудь подружилась?

– Я же говорю, она замкнутая, все время со мной ходила. Если и знакомилась, то только через меня.

– Надо подождать. Еще не вечер, – спокойно рассудил Сашка.

Тихон листнул тетрадь, лежащую на столе. Внезапно его что-то насторожило.

– Это же примеры, которые нам давали на консультации! А на обложке ее имя!

– Ой! Я совсем забыла! – Наташа вскочила с кровати и подошла к столу. – Я нашла ее тетрадь там, в туалете. Она валялась на подоконнике.

– Это меняет дело, – решил Тихон. – Света психанула, испугалась экзаменов, бросила тетрадь и уехала домой к родителям в чем была. Скорее всего, она сейчас на станции, купила билет и ожидает поезда.

– А документы? Все вещи на месте и документы тоже. Без них она не уедет.

Повисло тягостное молчание.

– Надо ждать, – невозмутимо предложил Саша. – После окончания консультации прошло всего пять часов. Света, взрослая девушка, она может быть где угодно. Я убежден, к ночи она появится.

– Наташ, ну, правда, не паникуй, – согласился Тихон. – Она не ребенок, и скоро все выяснится.

Удрученная девушка хлопнула носом. Ребята вышли. Когда они оказались в своей комнате, Сашка спросил Тихона:

– Что ты думаешь?

– Два варианта. Света в гостях и ей по фигу экзамен, поэтому и выбросила тетрадку. Или у нее нервный срыв, тогда она себя не контролирует, и вполне могла уехать домой.

В любом случае, имеющейся информации для однозначного вывода недостаточно. Мы же ее совсем не знаем. Это как задача, в которой не хватает исходных данных.

Около одиннадцати вечера Заколов бросил тарантулу Троте нового таракана и вновь зашел к Наташе.

– Ну, что? Не появлялась? – спросил он.

– Нет, – грустно ответила Наташа, отложила в сторону учебник и осторожно предложила: – Давай в милицию зайвим?

– Да они нас на смех поднимут! Взрослая девица не вернулась домой к одиннадцати. Тем более, без папы и мамы сейчас живет. Подождем до утра. Если с ней все в порядке, то к экзамену Света обязательно придет. А тебе, чтобы голова лучше работала, надо нормально выспаться.

Глава 3. Первые знакомства

Неизвестно как Наташа, но Тихон в эту ночь спал плохо. Ему хотелось помочь понравившейся девушке. Но как?

Воспоминания прошедшего дня лезли в голову, не давая уснуть. Может, отгадка странного исчезновения Светы кроется там? Ведь один раз Наташа уже поднимала панику.

Накануне рано утром Заколов и Евтушенко сошли с поезда на крохотной станции Тюра-Там, и в город с затертым названием Ленинск добрались на автобусе. Город не был обозначен ни на одной из карт Советского Союза, и не из-за скромных размеров, а потому, что здесь находился закрытый объект – всемирно известный космодром Байконур.

Сразу после приезда ребята сунулись в студенческое общежитие, но без направления туда не селили. Комендант Серафима Михайловна пристально оглядела высокого физически развитого Заколова и изящного, но жилистого Евтушенко. Высокий лоб и спокойный умный взгляд обоих абитуриентов убедили опытную комендантшу, что эти двое наверняка поступят. Она разрешила им оставить чемоданы и подсказала, как лучше пройти к институту.

Когда друзья вернулись с направлением, Серафима Михайловна поправила алый, как флаг СССР, жакет и сквозь

изящные очки в позолоченной оправе изучила бумажку. Крепкие пальцы с острыми ногтями подшили документ в папку, строгий голос скомандовал:

– Заколов и Евтушенко, отправляйтесь в двести шестнадцатую комнату. Это на втором этаже. Там уже живет один абитуриент, Махоров из Москвы. И чтоб никаких пьянок-гулянок и нарушений режима! А то, в миг вылетите на улицу! Правила висят на стенде рядом с дежурной. У нее же получите постельное белье. Все, можете идти.

Двести шестнадцатая встретила друзей распахнутой дверью. Оттуда неслись слова битловской песни “Мишель”. На железной панцирной кровати, свернув под спину матрац, развалился полураздетый парень с гитарой и чистым голосом довольно хорошо подражал Маккартни. Длинные прямые волосы, небрежно расчесанные на прямой пробор, и нос с горбинкой делали его похожим на Леннона. Для полного сходства не хватало лишь круглых очков.

– Тоже абитура? – закончив куплет, спросил певец. – Располагайтесь, – он дружелюбно кивнул на две незанятые кровати и отставил гитару. Босые ноги шлепнулись на замусоренный пол. – Меня зовут Борис.

– Тихон.

– Саша.

– Откуда вы?

– Из Приозерска, это на Балхаше.

– Местные, значит.

– Какие же мы местные, полтора дня на поезде с пересадкой, – уточнил Саша.

– Все равно – казахстанские! А я из Москвы.

– А чего сюда занесло? – удивился Тихон. – В столице столько институтов.

– Мать так решила. Говорит, в Москве не поступишь, разгильдяй, а в провинции, глядишь, и проскочишь, – безмятежно признался Борис.

– Зачем дверь открыта? – поинтересовался Заколов, отметив, что Борис одет в фирменные джинсы Levi's.

У него и Евтушенко таких штанов отродясь не было. Тихон ходил в «техасах» советского производства с вытянутыми коленками, а Сашка – в самострочных бесформенных вельветовых брюках.

– Проветриваю, – Борис кивнул на широко открытое окно.

– Да на улице еще жарче чем здесь!

– Ничего, ночью холодком потянет.

«Он что, и ночью все держит нараспашку?» – изумился Тихон, а вслух спросил:

– Как здесь живется?

– Нормалёк. Меня сюда Серафима от Бони отселила, чтобы не колобродили вместе.

– Серафима – это комендант общежития? – переспросил во всем любящий точность, Саша.

– А то!

Тихон об очевидном не спрашивал, а вот новая информа-

ция его интересовала:

– А Боня, это кто?

– Боня – это такой чувак заводной, – оживился Борис. – У него копна волос на башке, как у негра из «Бони М». Все его Боней зовут. Он тоже абитуриент, только после армии. А вы чего так поздно приехали?

– В каком смысле? – переспросил Саша, уточняя о чем идет речь: о часе дня или о дате в календаре.

– Мы специально прямо к экзаменам, – ответил Тихон, легко поняв простую логику Бориса. – Сегодня последний день подачи документов, так что мы вовремя.

– А я тут уже месяц торчу. На подготовительные курсы ходил, со всей абитурой перезнакомился. У вас какой средний бал аттестата? В математике сечете?

– У меня четыре семьдесят пять, – Тихон присел на скрипучую кровать. – У Сашки четыре с половиной. Это за счет гуманитарных предметов. А по алгебре и геометрии он на всех олимпиадах первые места занимал. Правда, Сань?

– А ты разве нет? – нехотя ответил Евтушенко, распаковывая чемодан.

– Я – в основном по физике.

– А у меня три с полтиной! – рассмеялся Борис, словно поделился веселой шуткой. – Тут две девчонки задолбали, постоянно над задачками корпят и меня дергают.

Он постучал по стене, потом высунулся в окно и крикнул:

– Эй, Света!

– Чего тебе? – из соседнего окна слышался голос девушки.

– Ко мне два профессора заселились, они задачки как семечки щелкают.

Взгляд Бориса скользнули вдоль улицы.

– Лизка идет! Опять с мамашей. – Борис указал на девушку, которую ребята только что видели в институте. – Моя герла! Ничего фигурка, да? Я с ней кадрюсь по-маленькому.

– Что значит, по-маленькому? – не понял Саша.

– Пока только целуемся, – объяснил Борис, сунул ноги в кроссовки и уже на ходу зацепил футболку.

Из открытой двери еще доносились шлепки его ног, прыгающих по лестнице, а в проеме появился волнующий силуэт девушки.

Именно тогда Тихон впервые увидел Наташу. А потом сразу же пропала Света!

Но в тот раз все обошлось. Не успел Тихон начать шуточные поиски, как девушка вернулась.

Света оказалась невысокой и полненькой, с короткими темными волосами, вопреки светлому имени, и с мелкими красными прыщиками на щеках. Рядом со стройной Наташей она выглядела дурнушкой. «Почему из двух подружек, одна всегда красивее другой? – думал Тихон. – Красавицы, как однополюсные магниты, отталкиваются? Или все дело в моем индивидуальном восприятии красоты? Надо подкинуть эту мысль Сашке, пусть разработает теорию». Вспом-

нив о друге, который мог серьезно рассуждать на любую самую неожиданную тему, он с сожалением подумал, что того вряд ли заинтересует Света. А так бы, дружили парами.

– Серафима вызывала, – угрюмо пояснила Света свое исчезновение. – Ей не нравится, что я каблуками по голове топая. Ее кабинет под нами. А я туфли разношиваю.

Тихон оставил девушек вдвоем, удивившись серьезности переживаний Наташи. Она действительно думала, что Света пропала или хотела найти повод, чтобы побыть наедине с ним? Тихону больше нравился второй вариант.

В комнату вернулся недовольный Борис.

– Хотел с Лизкой на танцы завалиться, но мамаша ни в какую. «Два дня до экзамена, готовиться надо», – передразнил он гнусным голосом. – Да мы и так уж месяц зубрим! В башку не лезет ни черта! Вся забита! – он постучал для убедительности по лбу. – Ничего, после экзамена, оттопыримся.

Евтушенко, любящий во всем порядок, разложил вещи, запихнул чемодан под койку и вывалил на стол еду, оставшуюся после дороги.

– Поесть надо, – заявил он, усаживаясь за стол.

– Мировое дело, – подхватил Борис, – чем у вас можно поживиться?

Ребята принялись уничтожать остатки огромного запаса продуктов, которым снабдили их в дорогу чересчур заботливые мамы.

– Лучше дверь закрыть, – отрывая зубами кусок холодной курицы, кивнул Борис. – А то Боня припрется. У него нюх на жрачку. Всегда норовит на хвост упасть. Во, опоздали!

В комнату ворвался юркий парень с плотной копной мелко завитых волос. Волосы жестко сидели на голове и напоминали темный ворсистый шлем. Ни на кого не глядя, он прошел к окну, зачем-то посмотрел на улицу, рука выхватила учебник из сваленной на кровати стопки, палец шелестнул страницами. «Так, так...», – зашевелились губы, серьезный взгляд бродил по тексту, а рука невзначай прихватила что-то со стола. Когда рот начал жевать, кучерявый поднял глаза и удивленно воскликнул:

– Новенькие? Откуда?

– Из Приозерска. – Тихон с любопытством рассматривал парня.

– Земляки! – Боня отбросил учебник и по-хозяйски пристроился к столу.

– У тебя все земляки, – заметил Борис.

– Точно говорю! Но вы меня не узнаете, я тогда гладким был. Это после армии волосы прут в разные стороны. – И Боня энергично зачавкал.

Долгий путь в неудобном поезде давал о себе знать. Повалившись на расшатанную скрипучую кровать и закрыв глаза, Тихон сразу ощутил мерное покачивание, словно продолжал путешествие по железной дороге. Сквозь первый сон, он

услышал, как звонко стукнуло стекло, и кто-то, шумно дыша, стал влезать в окно.

Тихон вскочил, сгруппировался в боксерской стойке и выставил кулаки, готовясь вступить в схватку с ворами, о которых ему перед отъездом настойчиво твердила мама. Из ее наставления выходило, что поезда кишат ворами, а самое надежное место для хранения денег – это трусы, в которые она вшила специальный карманчик. Тихон в школе занимался боксом, и в запасе у него имелось несколько коронных ударов.

– Ты чего? – уставился спросонья Борис, кровать которого стояла под окном.

Тихон кивнул на темную фигуру, ввалившуюся в комнату. За ней лез второй человек, опираясь на койку Бориса.

– Да это наши... с танцев возвращаются, – зевнул Махоров. – Общагу уже закрыли, поэтому через нас лезут, чтоб дежурную не будить. Мы же над входным козырьком живем. Карен, ты?

– Я, с Гамлетом, – произнесла темная фигура с кавказским акцентом. – Вай, хорошо у вас окно открыто, стучать не пришлось.

Сашка тоже встал, включил свет и водрузил очки. В комнате находились два кавказца. Один повыше, назвавшийся Кареном, с густыми усами, бакенбардами и волосатыми руками. Другой поменьше, чисто выбритый, с аккуратной прической.

– Народ прибывает, – скривился Карен, глядя на новеньких. – Мы пойдем, ночь уже.

Сашка проводил непрошенных гостей хмурым взглядом. Когда они вышли, Борис пояснил:

– Это армяне. Здесь в стройбате служили. Тоже с подготовительного отделения, как и Боня. В алгебре ни черта не волокут, но стараются. На танцах, наверное, были, потом с телками загуляли. Вырубай свет, – попросил он Сашку и отвернулся. Раздался звучный зевок, а через некоторое время тихое бормотание: – Хотя на танцах я их ни разу не видел.

Глава 4. Женские трусики «Monday»

Перебирая воспоминания прошедших двух дней, Тихон заснул только перед рассветом.

Утро получилось сумбурным. Ребята вскочили, когда времени до экзамена оставалось впрытык. Накинув одежду, они со всех ног помчались в институт. На экзамен успели в последнюю минуту. И только прочитав условие первой задачи, Заколов вспомнил о Наташе и Свете. Он огляделся, но девушек не обнаружил. Наверняка они в соседней аудитории, решил он.

После экзамена в холле и дворе института толпилось много абитуриентов. Кого-то страстно допытывали родители, кто-то эмоционально делился впечатлениями. Утомленный, но радостный Тихон оживленно обсуждал с Сашкой и Борисом способы решения каждой из задач. Евтушенко невозможно вещал, что ничего экстраординарного не было. Борис грустно признался, что одну из задач, даже и не пытался решать, а в другой серьезно ошибся. Тихон считал, что решил все задачи правильно, но чересчур легкими он бы их не назвал.

Подошли Карен с Гамлетом.

– Как дела, Боря? Первый барьер проскочил? – поинтере-

совался Карен.

– Надеюсь. Завтра будет видно. А вы?

– Кое-что решили, кое-что списали, – с улыбкой ответил Карен. – Нам лишь бы не два балла.

В этот момент Заколова кто-то дернул за рукав. Наташа в белой кружевной блузке на выпуск и прямой мышиного цвета юбке до колен подавленно смотрела на него. На ее носу громоздились некрасивые очки, а волосы были собраны в пучок на манер конского хвоста – в целом, типичный прикид скромной школьницы перед экзаменом. Тихон подумал, что так называемая «нарядная» одежда не всегда украшает человека. В выдавшем виды простеньком легком платье Наташа ему нравилась больше.

На Наташе не было лица. В ее растерянных глазах стояли крупные слезы, вот-вот готовые пролиться.

– Что с тобой? – встревожился Тихон.

– Света так и не появилась, – всхлипнула Наташа, и по ее щекам поползли широкие струйки, которые она по-детски попыталась вытереть кулачком.

Тихона неприятно обожгло внутри. Дурное предчувствие опрокинуло приподнятое настроение. Если Света не появилась даже на экзамен, значит, произошло что-то действительно серьезное! Сжатые губы и влажные глаза Наташи покраснели. Она казалась слабой и одинокой. Тихону захотелось обнять плачущую девушку. Чтобы она ткнулась хлюпающим носом в его плечо, как показывают в кино, и пусть ре-

вет, он ее поддержит и успокоит. Но кругом были люди, и обнять девушку он постеснялся.

– Наташа, ты экзамен сдавала? – Тихон испугался, что девушка все это время искала Свету.

– Написала чего-то, – шмыгая носом, ответила Наташа. – А Света не пришла! Ее нет! – с укором произнесла она и вновь разрыдалась.

– Не переживай. Теперь я займусь ее поисками, – заявил Тихон. Он знал, что в минуту слабости людям очень хочется, чтобы кто-то взял на себя решение их проблем, и для убедительности веско добавил: – Я ее обязательно найду!

Армяне при появлении Наташи странно насупились и, не произнеся ни слова, удалились. Вбалмошный Борис побежал искать Лизу. Тихон был даже рад остаться наедине с девушкой, думая, что, она сможет выговориться и успокоиться.

– Саш, иди в общагу, – он подтолкнул Евтушенко. – Мы скоро придем.

Холл института постепенно опустел. Тихон с Наташей сидели за столом около приемной комиссии, где под стеклом еще сохранились образцы заявлений.

– Давай, восстановим картину вчерашнего дня, – предложил Заколов, рисуя схему на бумаге. – Итак, ты осталась в аудитории после консультации, а Света вышла в туалет. Сколько человек находилось рядом с тобой к тому времени? Кто еще вышел вместе с ней?

– Нас оставалось немного, человек пять-шесть, – вспоми-

нала Наташа. – Света тянула меня, но я что-то еще хотела спросить у преподавателя. Тогда она отправилась в туалет. Мы договорились встретиться у выхода из института. Я осталась в аудитории минут пять, а потом ждала ее на крыльце. Ее долго не было. Когда все разошлись, я зашла в туалет, а там никого. Только на подоконнике лежала ее тетрадь. Потом я поднялась на второй этаж, искала ее по коридорам и аудиториям, но никого в институте не было. Мне стало страшно, и я побежала в общежитие.

– Значит, уже через пять минут ты ожидала Свету на выходе. Вот здесь, – Тихон ткнул ручкой в нарисованную схему.

– Наверное, я не засекала. Если бы она вышла раньше, я бы ее увидела во дворе института.

– Выйти другим путем она не могла, – продолжал рассуждать Тихон. – Другого выхода нет. Значит, она пропала именно в этом корпусе. Ладно, приступим к осмотру места происшествия. Ты жди меня здесь и никуда не отходи.

Тихон ободряюще улыбнулся девушке и направился по широкому коридору. Он остановился перед дверью женского туалета. В коридоре было пусто. Тихон приоткрыл дверь и со словами: «Извините, проверка крана», решительно зашел внутрь. К его радости там никого не оказалось.

Первым делом Тихон осмотрел входную дверь. Изнутри она не закрывалась. Под раковиной он обнаружил небольшой обломок круглой палки, видимо от черенка старой швабры. Самой швабры рядом не было, хотя в месте слома

топорщились свежие занозы.

Заколов заглянул в каждую кабинку. В одной из них он увидел на полу смятый комочек белой тряпки. Пальцы ухватились за него, развернули. На узком треугольнике женских трусиков наискосок красовалась надпись «Monday». Тихон засунул трусики в карман. Он также осмотрел мусорные ведра, но ничего подозрительного не нашел.

Подойдя к забеленному наполовину окну, он обратил внимание, что обе рамы закрыты только на нижний шпингалет, который легко открывался. В верхнем углу болтались обрывки большой паутины. Но тут же растянулась новая ловчая сеть. Заколов пригляделся. Паутина была свежая. На верхней границе притаился домовый паук на длинных тонких лапках. Судя по всему, его старую паутину не далее как вчера безнадежно повредили, и бедняге пришлось плести новую сеть.

– Извини, дружище, – обратился Тихон к пауку и распахнул створки. Новая паутина оборвалась в тех же местах, что и прежняя.

Старый деревянный подоконник имел много сколов краски и зазубрин. В одной из них застрял кусочек голубой ткани, который выделялся на пыльном фоне. Пыль между рамами лежала неравномерно: в центре смазанные полосы, а по краям нетронутый пушок.

Тихон выковырнул клочок ткани и взял с собой. Выглянув в окно, он убедился, что до земли чуть выше пояса, и каждый

мог легко спрыгнуть вниз или залезть снаружи.

Окно выходило на другую сторону института. Слева располагался большой пустырь, в конце которого виднелся бетонный забор. Справа, в торце здания среди гор песка вырисовывался фундамент будущего институтского спортзала. Тихону уже рассказали, что строительство начали весной, но сейчас временно прекратили, потому что стройбат перебрали на какой-то более важный объект.

В этот момент две девушки вошли в туалет.

– Сантехника вызывали? – широко улыбнулся Тихон.

Дружный девичий визг оглушил парня, и он, не долго думая, выпрыгнул из окна и обежал вокруг здания мимо стройки. Рядом с бетономешалкой дремал солдат без гимнастерки. Его лицо прикрывала военная панама, а худое тело было выставлено под солнечные лучи. Больше на стройке Тихон никого не заметил.

Заколов вернулся в институт через главный вход. Наташа ждала на прежнем месте. Он хотел, было, показать ей свои находки, но в глубине коридора увидел девушек, испугавшихся его в туалете. Они наперебой о чем-то рассказывали председателю приемной комиссии Павленко. Их пальчики дружно тыкали в его сторону.

– Уходим, – шепнул Тихон Наташе, и невозмутимо направился к выходу.

– Что случилось? – догоняя его, спросила девушка.

– В этом городе детей сантехниками пугают.

Павленко, слащаво улыбаясь, издалека окликнул Заколова. Тихон сделал вид, что ничего не слышит, и быстро вышел на улицу.

– Какими сантехниками, ты можешь объяснить? – Недовольная Наташа семенила рядом с Тихоном. Ей это надоело, и она дернула его за рубашку: – Да стой! От кого мы убегает?

Тихон извлек из кармана трусы:

– Это, случайно не Светы?

На Наташином лице отразилось неподдельное изумление.

– Ее... Она недавно купила комплект, «Неделька» называется. Откуда у тебя это?

– Из туалета. Валялись под унитазом. Те две девицы меня там застукали, неизвестно чего Павленко наболтали. Теперь не отмоюсь.

– Ты нашел их в туалете? Светкины трусы? Ужас!

– Это еще ни о чем не говорит. Может, она с отклонениями, любит шастать в мини без трусов.

Наташа насупилась:

– Ты за кого нас принимаешь? Света моя подруга, мы с ней пять лет учились в одном классе. Она... она... С ней случилось что-то ужасное, а ты! – Девушка разревелась, уткнув нос в сжатые кулачки.

Они стояли на открытом месте недалеко от института.

Тихон растерянно думал, сколько слез может уместиться в такой хрупкой девушке?

А в это время из окна четвертого этажа за ними в бинокль наблюдал председатель приемной комиссии Павленко Валентинovich. Сначала он внимательно рассмотрел их лица, словно пытаясь по движению губ понять разговор, а потом опустил мощный бинокль ниже, на маленький комочек ткани в руках абитуриента Заколова. Пальцы подкрути-

ли колесико окуляра, в дрожащем изображении Владлен Валентинович разглядел женские трусики с надписью на английском. Руки с тяжелым биноклем рухнули. Губы сжались. На лбу преподавателя выступила испарина.

Павленко осторожно, словно опасаясь пораниться, опустился в кресло. Пальцы извлекли из кармана бумажку с двумя цифрами. Владлен Валентинович придвинул калькулятор. Набрал 352, разделил на 125. На калькуляторе высветилось 2,816. Эта же цифра была написана на бумаге первой. Вторую зав кафедрой «Политэкономии и Научного Коммунизма» проверять не стал.

Глава 5. Расследование начинается

– Так! Что мы имеем? – пытался рассуждать Тихон, но расстроенная Наташа его не слушала.

– Давай уйдем с этого пекла, – попросила она.

Заколов приобнял хнычущую девушку за плечи и осторожно повел ее, стараясь найти прохладное место. Наконец, они сели на скамейку в тени жилого дома. Наташа сняла угловатые очки, промокнула платком глаза, протерла стекла и водрузила очки на прежнее место. Тихон отметил, что без очков девушка выглядит гораздо симпатичнее.

– Итак, вчера был понедельник, – начал он, – Света одела трусы Monday. Кстати, надо проверить ее одежду. После консультации она зашла в туалет, и там что-то с ней случилось. Что-то такое, отчего она даже любимые трусики потеряла! И конспект! Да, задачка...

Тихон задумался, сунул руку в карман.

– Тут еще вот какое дело. В чем Света была одета?

– В платье, такое простое ситцевое, голубенькое. И в бо-соножках. Ну, лифчик, конечно, и все. Лето, жарко.

Тихон достал маленький обрывок ткани с торчащими голубыми нитками и протянул Наташе:

– Это от ее платья?

– Похоже... Да, да! От Светкиного платья! Где ты это взял? Тоже в туалете? Ужас!

– На подоконнике зацепилось, – грустно ответил Тихон. – В общем, идем на переговорный пункт, позвонишь ее родителям. Вдруг, она домой приехала. Если нет... Заглянем еще раз в общагу, а потом я позвоню в «скорую помощь» и милицию.

На переговорный пункт им пришлось ходить дважды. Днем на телефонный звонок в Аральск никто не ответил. К вечеру выяснилось: ни дома у родителей, ни в больнице, ни в общежитии Света до сих пор не появлялась. В комплекте ее белья трусы с надписью “Monday” отсутствовали.

Поздно вечером Тихон и Наташа вышли из отделения милиции. Наташа написала заявление об исчезновении подружки. Милиционеры поострили насчет туалета, трусов и конспекта, нехотя приняли заявление, попросив подождать три дня и принести фотографию пропавшей.

– Такая картина получается. Мысли есть? – спросил Заколов, подробно обрисовав Евтушенко ситуацию, когда вернулся в общежитие.

В комнате они находились вдвоем. Было поздно, Борис после экзамена еще не появлялся. Саша выставил на стол две бутылки пива «Жигулевского».

– Я тебя весь вечер жду. Надо отметить первый экзамен, – предложил он, открыл бутылки одну об другую, глотнул из горлышка и мрачно произнес: – Факты говорят о том, что в институте орудует сексуальный маньяк. Он оглушил девуш-

ку, куда-то утащил ее и изнасиловал.

– Почему сразу изнасиловал?

– Ну, а что еще надо маньяку от молоденькой девчонки? Может, он отволок ее в институтский подвал, и она томится там, прикованная наручниками к трубам. А он спускается к ней, когда ему приспичит, и насилует.

– Ну и фантазия у тебя. – Тихон недоверчиво покачал головой и глотнул теплого кисловатого пива. – Хорошо, что Наташа не слышит. А почему наручники?

– Не наручники, так веревка. Разница небольшая.

– Если так, маньяк должен хорошо знать институт. Более того, он там должен работать, у него должны быть ключи от разных дверей. В институте почти все в отпусках. – Тихон задумался. – Кроме членов приемной комиссии... Ты видел, как Павленко смотрит на девушек?

– Как кот на сметану. Только что не облизывается. Помому, он себя едва сдерживает. Такой тип вполне может наброситься на юную девушку.

– Да-а... Только почему он выбрал именно Свету? Ведь в ней нет ничего особенного.

– Это для тебя. А для сорокалетнего старика, она, как конфетка – так и хочется фантик сдернуть. И потом, не всем тощие нравятся. Некоторым – пухленьких подавай.

– Пожалуй так... Завтра я понаблюдаю за этим Павленко, – решительно заявил Тихон. – Хотя Свету, судя по всему, выволокли через окно.

– Вот именно! Со двора должен быть служебный вход, по которому можно попасть в подвал! Он вытолкнул Свету в окно, потом затащил в подвал, а там – сам понимаешь...

– Я все догадки сообщил милиции. Они обязаны проверить, хотя отнеслись к нам не очень серьезно. Если бы не слезы Наташи, то послали бы нас куда подальше. А так, хоть, выслушали, но ответили, что надо подождать, может, сама объявится. – Он раздраженно стукнул ладонями по столу и повысил голос: – Нет! Ждать не будем! Операцию «Поймай Павленко» начнем завтра сразу после зарядки.

– Зарядки? Думаешь надо?

– Обязательно, а то жиром зарастем.

В комнату, хлопнув дверью, ввалился Борис. Он был взъерошен и радостно улыбался.

– Ну, вообще... Вахтерша дверь уже закрыла, и как собака на привязи слюной брызжет. Только, что матом не кроет. Это Боня ее довел, дурень. Из-за двери огрызался. Ну, я то подход к женщинам знаю. Уломал ласковым словом, пустила. И меня, и его заодно, охламона.

Сашка выудил из-под стола еще одну бутылку пива и протянул Борису:

– За первый экзамен.

Борис мельком прочел маленькую этикетку на горлышке бутылки.

– Жигулевское, – разочарованно произнес он.

– А ты, какое хотел, чешское? – съехидничал Саша. – Где

же его без блата достанешь?

– Чешское и в Москве по блату, – согласился Борис. – Но зато там, знаешь, какой сорт появился? «Ячменный колос»! Хочешь, покупай «Жигулевское», хочешь – «Ячменный колос». Понял, какой выбор в Москве!

– Так то – Москва! Здесь только один сорт, и тот я случайно купил. Боня, пока бегал за деньгами, пиво закончилось.

– Да я знаю. Не первый день здесь живу.

Махоров рывком о край стола открыл пробку и залпом выпил полбутылки. Ладонь медленно прошлась по влажным губам:

– Кайф!

Борис глотнул спокойнее и стал рассказывать:

– С Лизкой гулял. Девчонки местные такие недотроги! В Москве бы уже давно любовью занимались. А тут! Чуть руку под платье запустишь, получай по мордасам! Ну, ничего, закадрю я скоро Лизку по полной. Если б не ее мамаша – цербер... Все время при себе держит! Только сегодня отпустила. В честь сдачи первого экзамена.

Тихон и Саша слушали его молча, у них еще не было такого опыта общения с девушками.

– Света еще не нашлась, – грустно сообщил Тихон.

– Ну! Так Наташка, сейчас одна! – радостно взревел Борис. – Надо к ней завалиться! Я пошел. – Борис залпом допил пиво, хитро прищурился и повернулся к выходу.

– Стой! Никуда ты не пойдешь, – остановил его раздра-

женный Тихон. Ему была неприятна реакция Бориса. – Дело серьезное. Света не просто пропала, возможно, она в руках насильника... А Наташу ты не трогай. Ей не до тебя. Переживает.

Борис с размаху плюхнулся на кровать, металлический панцирь скрипуче спружинил. Он некоторое время покачивался на матрасе, и Тихон сразу представил график затухающих колебаний в виде синусоиды с уменьшающейся амплитудой. Он даже быстро воспроизвел в голове формулу, описывающую эти колебания.

– Да я так, – равнодушно зевнул Борис, доставая из нагрудного кармана пачку болгарских сигарет. – Если ты на Наташку виды имеешь, я мешать не буду. А, что ты там про Свету говорил? Про насильника?

Заколову уже не хотелось все пересказывать, и он коротко сообщил:

– Теперь ее ищет милиция. Наташа заявление на розыск подала.

– А вдруг ее маньяк задушил? Изнасиловал и задушил! В Москве были такие случаи.

– Ты кого-нибудь подозреваешь? – спросил Тихон, пристально вглядываясь в лицо Бориса.

– Я? Нет! – Борис с безразличным видом выпустил в потолок сигаретный дым и покачал головой: – Ну, и дела!

Неожиданно стукнула оконная рама, задребезжало стекло. Окно приоткрылось и из темноты показалось угрюмое

лицо Карена.

– Еще не спите? – вежливо поинтересовался он, перелезая через подоконник.

Следом за ним, как и раньше, карабкался невысокий Гамлет. Он молчал и старательно улыбался.

– Откуда прете? – озорно спросил Борис. – По бабам шляетесь?

– Зачем бабы? У земляков были, – хитро ответил Карен. И нельзя было понять, говорит он правду или шутит.

Глава 6. Операция «Поймай маньяка»

На следующее утро Тихон нашел на территории ближайшей школы перекладину и проделал привычный комплекс упражнений: десять выходов в упор силой, десять подъемов переворотом и медленное подтягивание на каждой из рук. Сделав растяжку на все группы мышц, он отработал боксерские удары. Сашка Евтушенко в это время повторил несколько упражнений из йоги, а затем принял позу лотоса и застыл, обдумывая новую теорию пространственно-временного континуума.

Если Заколов увлекался гимнастикой и боксом, то Евтушенко – йогой и каратэ. Между ними часто возникали споры, кто гибче, гимнаст или йог, и кто сильнее, боксер или каратист? Если требовалось замысловато скрутить тело, то гибче оказывался Сашка, а если манипуляции нужно было совершать в движении, то побеждал Тихон. Выяснять, кто из них сильнее в драке, они не стремились. Тихон отдавал предпочтение классическому боксу, которому обучался в спортивной секции. Сашка увлекался новомодным полупрофессиональным каратэ и разучивал приемы сначала по затертым копиям картинок из заграничной книжки, а затем, у платного тренера в засекреченном подвале, где освоил несколько движений

руками и пару ударов ногой с разворота.

Тихон говорил, что ему для решения возможных конфликтов на темных улицах достаточно иметь хорошую реакцию и уверенно владеть боксерскими ударами. Сашка верил в безоговорочное превосходство каратэ, хотя в их небогатой практике, все обычно решалось простыми кулаками.

После зарядки, Заколов и Евтушенко направились в институт.

– Как будем действовать? – задумался Сашка.

– Прежде всего, надо следить за Павленко, – решил Тихон. – Если он сексуальный маньяк, то обязательно себя выдаст.

В институтском корпусе было пустынно. Результаты экзамена обещали вывесить только на следующий день. Лишь около двери приемной комиссии бесцельно слонялись несколько мамаш, в надежде получить какую-нибудь информацию.

– Владлен Валентинович здесь? – спросил Тихон.

– Там, – указала в сторону приемной комиссии одна из женщин, и уважительно добавила: – Заседают.

Тихон оттащил Сашку в сторону и зашептал:

– Будем ждать, потом проследим.

– Надо разделиться. Ты посторожи Павленко, а я разведаю, есть ли тут подвал, и где в него вход.

– Может, лучше я пойду, а ты подежуришь? Павленко запомнил меня после вчерашней истории с туалетом.

— А ты не маячь перед глазами. Стой, за окном, и дай мне знать, в случае чего.

— А вдруг ты найдешь Свету?

— Тогда я подниму такой шум, что все услышат!

Евтушенко быстро удалился. Заколов вышел на улицу и пристроился у окна, где они стояли в первый день по приезде в город. Окно опять было приоткрыто, и он мог легко слышать любые звуки, доносившиеся из холла.

Евтушенко в это время искал вход в подвал.

В институте имелась одна широкая центральная лестница и одна маленькая, в торце здания. Выход на нее был отгорожен небольшой дверью. Центральная лестница начиналась на первом этаже и никакого продолжения в подвал не имела. Зато от боковой лестницы несколько ступеней вели вниз и упирались в узкую дверцу, закрытую на внутренний замок. Очевидно, это и был вход в подвальное помещение. Чуть выше его располагалась дверь на другую сторону институтского корпуса. Она тоже была заперта.

Саша приложился ухом к двери в подвал и прислушался.

Зрение у Саши Евтушенко испортилось еще в детстве, как только он научился читать. Открыв для себя удивительный мир книг, он читал их запоем, и маме приходилось силой отрывать сына от очередной книги, чтобы уложить спать. Накрыв одеялом, она выключала свет и удалялась. Как назло, это всегда происходило на самом интересном месте повест-

вождения. Тогда Саша придумал хитрость. Он брал с собой в постель фонарик, залезал с головой под одеяло и, направляя желтый свет на желанные страницы. Может, от этой привычки и еще оттого, что батарейки в фонарике быстро садились, Саша уже в начальных классах ходил в школу в очках. С годами стекла в оправе становились все толще, но слух острее, чем у сверстников. Евтушенко это легко обосновал теорией: «О сверхнормальном развитии параллельных функциональных органов живой особи взамен утраченных или деградировавших».

Саша, прикрыв за ненадобностью глаза и замедлив дыхание, вслушивался в невидимое подвальное пространство. Вот чуткое ухо уловило некий металлический скрип. Затем этот звук повторился, но у него была другая тональность и продолжительность. Потом раздались несколько подобных звуков, плавно сменявших друг друга.

Евтушенко насторожился. Он был уверен – в закрытом подвале кто-то есть!

Тихон первое время неотрывно смотрел на дверь приемной комиссии. Ничего интересного не происходило. Он присел на каменный выступ под окном и стал слушать, когда раздастся звук открывающейся двери. Но кроме приглушенных разговоров собравшихся мамаш, да жужжания назойливой мухи, его уши ничего не улавливали. Вскоре бестолковое ожидание ему надоело.

Он вспомнил, как в первый день секретарь приемной комиссии Люся говорила, что Владлен Валентинович является заведующим кафедрой «Политэкономии и Научного коммунизма». Раз так, у него должен быть личный кабинет. А если побывать там, пока он заседает? Вдруг появится какая-то зацепка. Милиция, судя по всему, ничего серьезного не принимает, а искать Свету надо, ведь он обещал Наташе.

Тихон оставил пост и вошел в здание. На первом этаже он уже бывал и названий кафедр там не заметил. Поэтому сразу начал обследование со второго этажа. Нужную дверь с табличкой: «Заведующий кафедрой Павленко В. В.» он нашел на лишь четвертом в самом конце коридора, рядом с выходом на запасную лестницу.

Дверь была закрыта на защелку английского замка. Тихон бросил взгляд в длинный коридор. Никого! Он достал складной нож, который специально прихватил с собой, и длинным стальным лезвием легко отжал язычок замка. Юркнув в кабинет, он прикрыл дверь и огляделся.

Прямо перед ним располагался старый громоздкий письменный стол, на котором возвышалась несовременная настольная лампа с зеленым колпаком, как в фильмах про революцию. Рядом он увидел такой же древний письменный прибор и телефонный аппарат, а на углу столешницы лежала аккуратная стопка деловых папок. За столом на фоне окна с занавесками висела потертая спинка кожаного кресла. Справа у стены громоздился высокий шкаф с книгами, сре-

ди которых выделялось полное собрание сочинений В.И.Ленина, а перед столом около двери стоял ряд стульев и огромный старомодный кожаный диван с цилиндрическими валиками по бокам.

Рука Тихона раздвинула плотные занавески. Из окна был прекрасно виден главный вход в учебный корпус и дорога, ведущая к институту. Хорошее место для наблюдений за всеми входящими и выходящими, заключил Тихон и повернулся к письменному столу.

Он быстро просматривал содержимое ящиков. Многочисленные папки с бумагами, стопки машинописных страниц и брошюры не привлекли его внимание. Это были различные учебные материалы. Зато в нижнем ящике его ждали сразу три интересные находки.

Во-первых, в глаза бросился глянцевый журнал “Playboy” с полуобнаженной девицей на обложке. Тихон знал, что где-то там, на Западе существует фривольный журнал для мужчин, но видеть его своими глазами ему не доводилось. Наиболее красивые из имевшихся в продаже журналов: «Советский Союз» и «Советский экран», не шли ни в какое сравнение с этим ярким, красивым, приятным на ощупь произведением полиграфического искусства с бесстыжими соблазнительными деваха́ми на тонких глянцевых страницах.

Во-вторых, поверх журнала лежал большой армейский бинокль. Тихон не удержался и ради любопытства посмотрел в окно. В окулярах, как на экране телевизора, он увидел

знакомые лица Карена и Гамлета, беззвучно, но очень эмоционально о чем-то спорящих. Он отвел глаза от бинокля и с трудом разглядел мелкие фигурки армян метрах в двухстах от института. Вскоре они свернули в нежилую зону и скрылись за углом бетонного забора.

В-третьих, в этом же ящике валялся широкий кожаный ошейник с длинной витиеватой цепью. Такой ошейник можно использовать для большой сильной собаки или для того чтобы издеваться над жертвой!

Припав ухом к двери, Евтушенко напряженно слушал. Странные звуки, доносящиеся из подвала, напоминали что-то очень знакомое. Саша пытался выудить из глубин памяти подобные звуковые колебания и трансформировать их в четкий зрительный образ. Он, несомненно, где-то это слышал. Скрипучий металлический звук не перемещался, но он был крайне неравномерным и означал присутствие человека. Живого человека в закрытом подвале!

Может, позвать Тихона? Сначала надо разобраться самому.

Все наружное осязание Евтушенко было направлено в незримые лабиринты подвала, а все ресурсы мозга сконцентрированы на поиске в памяти звуковой информации и сравнении ее с услышанным.

Он был так сосредоточен, что не заметил, как сзади тихо открылась дверь, ведущая в коридор, и кто-то стал осторож-

но спускаться по темной лестнице. Он даже не почувствовал, как человек остановился за его спиной и резко занес руку...

Бинокль для слежки, возбуждающий журнал с голыми красотками и суровый ошейник с плетью – эти находки в кабинете Павленко ужаснули Заколова.

Бедная Света! Что с ней сделал этот извращенец?

Додумать тревожную мысль Тихон не успел. Снаружи слышались шаги и скрежет ключа, вставленного в замок. Тихон резко задвинул нижний ящик и спрятался под стол.

В комнату вошли двое – Тихон услышал тихий скрип кожаных туфель и стук каблучков.

– Что вы от меня хотите? – раздался голос Павленко. – Вы бы еще на заседание комиссии ворвались и стали там просить меня за свою дочь. Надо же соображать, что делаете!

– Простите, Владлен Валентинович, простите, – отвечал женский голос. – Я так переживаю за нее. Вы ведь в прошлом году помогли одной моей знакомой. А я заплачу вам больше. Так сказать, с поправкой на инфляцию и возросшие трудности.

– Какая инфляция? – с чувством возмутился Павленко. – Откуда только такие слова берете? Это на загнивающем Западе инфляция, а у нас – плановое поступательное развитие народного хозяйства. Различать надо! А вот насчет возросших трудностей – это да! Половину членов комиссии из Москвы прислали. Почти все незнакомые. Я не могу риско-

вать своим положением.

– Вы же председатель комиссии. Они вам подчиняются.

– Сегодня подчиняются, а завтра – клязу в партком. Да не в местный – тут я главный, а на верх в Московский! Риск огромный. Всего можно лишиться.

– Так и деньги немалые, придумайте что-нибудь. Вы такой умный, Владлен Валентинович. Я не переживу, если моя дочь не поступит.

– Первый-то экзамен у нее на троечку, на троечку...

– Да если б она была отличница, Владлен Валентинович, разве я бы вас просила. Вот, это вам.

– И конкурс в этом году наивысший... Тут на стуле оброните... В этом году все экзамены письменные, любую оценку легко проверить... Не знаю, что и придумать, чтобы вам помочь... Знаете что, возьмите-ка стержень. И пусть ваша дочь все экзамены только им пишет. И побольше места пустого на страницах оставляет. Чтобы можно было подправить таким же стерженьком.

– Огромное спасибо, Владлен Валентинович.

– И не подходите вы больше ко мне при посторонних.

– Конечно, конечно, Владлен Валентинович. Я буду осторожна. До свиданья.

Стук каблучков отрезал щелчок дверного замка.

Тихон сидел в нише под столом в очень неудобном положении и надеялся только на то, что Павленко скоро выйдет. Но тот явно не спешил – слышалось шуршание конвер-

та, хруст пересчитываемых купюр. Довольный голос произнес: «Недурно», и председатель приемной комиссии сделал несколько шагов, но не к выходу, как хотелось Тихону, а прямо к столу.

Тихон слышал, как мягкие туфли приближаются к его укрытию. Вот он их уже видит – новые светло-серые с дырочками по бокам. На них небрежно лежат манжеты бежевых брюк, а безупречно отутюженные штанины уходят вверх. Где-то там над крышкой стола они соединяются, и их обладатель сейчас отставит кресло, потом сядет, придвинется поближе и неизбежно натолкнется своими туфлями на Тихона.

Тогда, прости-прощай институт, а глядишь, еще и кражу припишут. «Эх, зачем я ушел с поста? – мелькнула запоздалая мысль у Тихона. – Как там Сашка? А вдруг, я и его подвел!»

Евтушенко, прижавшийся ухом к двери в подвал, ощутил твердый шлепок по спине. Сашка вздрогнул и оглянулся.

– Милок, ты чего тут с дверью лобзаешься?

Перед ним стояла пожилая женщина в синем халате уборщицы. Не дождавшись ответа, она поинтересовалась:

– Ты часом не тронулся? От нынешних мудреных учебников, можно с ума съехать. Ей Богу! Если сверх меры переусердствовать.

– Я... – хотел оправдаться Сашка, но в это момент его глаза округлились. Он понял, что за звук доносился из под-

вала! Ничего хорошего для Светы тихий скрежет не предвещал. Нервный озноб прошел по телу, Сашка нетерпеливо спросил: – Как открыть эту дверь?

– А мне она на что? Я сюда за черенком пришла. Швабру удобную давеча сломали, а еще на ученых учатся! Как мне полы-то теперь мыть?

Саша обратил внимание, что под лестницей лежало несколько веников для уборки улицы, лопаты, грабли и еще какой-то инвентарь.

– А ключ от двери у кого?

– Мне эта створка без надобности. Завхоз, Виктор Парамонович в отпуске. Сейчас всем Владлен заправляет, у него надо спрашивать.

– Владлен – это Павленко? – уточнил Саша.

– Владлен – это Владимир Ленин. Теперь так красиво детишек не называют. А вот раньше и Октябринами записывали, и Сталинами... – начала было вспоминать уборщица, но, видя, что парень уходит, затараторила: – Владлен у нас один – Павленко! Ему имя очень правильное дали, он секретарь партийной организации. Я в ней тоже состою, а не в ЖЭКе среди отставников, – гордо добавила она.

Евтушенко вышел во двор и подбежал к окну, где должен был дежурить Заколов. Он распознал звук, доносившийся из подвала, и это полностью доказывало его предположение. Связанная Света находится там. Ее надо срочно спасать!

Однако Тихона на месте не оказалось. Сашка заглянул в

распахнутое окно. Из холла все разошлись, а дверь приемной комиссии была приоткрыта. «Павленко вышел, и Тихон за ним следит, – рассуждал Сашка. – Около той двери, где был я, они не появлялись. Значит, Павленко наверху, или есть другой способ попасть в подвал. Если маньяк там, дорога каждая минута!»

Сашка обежал здание. Другого входа в подвал не было, но от институтского корпуса к строящемуся спортзалу шла траншея с трубами. Дыра в цоколе была достаточно большой, и Саша легко протиснулся в черный проем.

Очутившись в темном помещении, он на минуту остановился, чтобы глаза привыкли к густому мраку. Хрупкие очки здесь ему показались явно лишними, он сунул их в карман. Главное – снова услышать этот звук, и определить направление поиска, ведь там пленница!

Саша прислушался. Ничего кроме легкого хруста то ли раздавленных песчинок, то ли шороха задетой рукавом стены. Ему даже показалось, что это он сам переступил с ноги на ногу. Постепенно он стал различать очертания труб, идущих вдоль низкого потолка, хлам на полу и черную арку в правой стене. Он выставил вперед руки, непроизвольно распахнул глаза и двинулся к проему.

Где-то там, в темных глубинах должна быть Света. Сомнений быть не могло! Звук, который он слышал, был металлическим скрипом панцирной кровати, когда на ней кто-то ворочается. Саша представил девушку с кляпом во рту,

привязанную к ржавому железному каркасу. Она дергается, пытается выпутаться, но ей не хватает сил, ведь прошло почти двое суток. А вдруг, рядом с ней насильник Павленко. Ведь неспроста Света затихла. Ну что же, он готов к встрече с ним! Именно для этого он и снял очки.

Саша двигался к темному проему, высоко поднимая ноги, чтобы ничего не задеть. Пыль лезла в глаза и предательски щекотала в носу. Саша старался ступать осторожно, чтобы не обнаружить себя раньше времени, но зуд в носоглотке становился все нестерпимее. Когда он подошел к проему и сделал первый шаг внутрь, в носу так засвербило, что он громогласно чихнул, ткнувшись подбородком в грудь.

...И тут же потерял сознание и свалился на бетонный пол.

Он даже не успел понять, что кто-то, спрятавшийся за стеной, ударил его по голове.

Тревожная мысль о Сашке у Тихона не успела оформиться в нечто конкретное. Сидя под столом в кабинете Павленко, он старался не дышать и с ужасом видел, как серые скрипучие туфли остановились прямо перед носом. Сверху раздался звук выдвигаемого ящика. В него, что-то положили, и ящик с тихим визгом задвинулся внутрь.

«Неужели уйдет?» – мелькнула у Тихона спасительная мысль. Но ненавистные туфли, постояв в раздумье бесконечно долгие секунды, небрежно отодвинули одной штаниной кресло, заставили согнуться колени. Старая кожа скрипнула

под тяжестью сидока, ноги сдвинулись, и узкие носки туфель безжалостно устремились прямо в лицо Тихона.

В доли секунды он осознал, что сейчас его присутствие будет раскрыто. Тихон сидел под столом в позе бегуна в низком старте. Будь, что будет!

Он всем телом рванулся вперед и опрокинул тяжелое кресло вместе с Павленко. Только каблук мелькнул перед носом. Ударившись головой о крышку тяжелого стола, да так, что потемнело в глазах, Тихон метнулся к выходу, задев все на своем пути. Руки на ощупь мгновенно открыли замок, и через секунду он был в коридоре. Сзади слышался звон разбивающейся настольной лампы и душераздирающий вопль перепуганного преподавателя.

Окинув светлеющим взглядом коридор, который к счастью оказался пуст, Тихон юркнул в соседнюю дверь, ведущую на запасную лестницу. Он мчался вниз, перескакивая через ступеньки, в голове пестрым калейдоскопом прокручивались варианты.

Заметил ли его Павленко? Точнее, разобрался ли в том, что выскочивший из-под стола человек – это именно он, Тихон Заколов? Вряд ли. Все произошло слишком быстро, а Павленко упал навзничь. Хорошо, если так.

Виновен ли Павленко, в пропаже Светы? «Плейбой», бинокль, ошейник – все это очень подозрительно для партийного идеолога, но явных улик нет. А может, Тихон их просто не успел обнаружить?

И самое главное, где сейчас Сашка? Друг должен был обследовать подвал, а Тихону нужно было следить за Павленко, чтобы тот не столкнулся с Сашкой. А если их встреча уже состоялась?

С этими мыслями Заколов как камнепад с горы проскочил все четыре этажа и угодил в запертую дверь подвала. Руки с разгону уткнулись в хлипкое препятствие, хрустнула досочка косяка, кинетическая энергия молодого тела намного превзошла устойчивость двери к сопротивлению.

Глава 7. Подвал раскрывает свою тайну

Влетев в раскрывшуюся дверь, Тихон остушился на низком пороге и грохнулся на пыльный бетон. Растопыренные ладони проехали по шершавому полу и содрались в кровь. Тихон оказался лежащим плашмя с вытянутыми руками, будто нырнул в бассейн, да в последний момент вода окаменела.

Только тут он почувствовал, как сильно гудит голова. Пальцы мягко прощупали кожу под волосами – макушка оказалась теплой и влажной. Тихон приблизил руку к глазам. Тусклый свет, падающий сзади из открытой двери, отразился в кровавых каплях. На ладонях кровь сочилась из глубоких царапин, а на кончиках уцелевших пальцев налипли окровавленные волоски.

Да, не хило долбанулся о профессорский стол. Не стол, а дубовая колода!

Заколов привстал, не зная, обо что вытереть руки. Поглядел на порванную включая рубашку, без сожаления вытер ладони о чистую с боков ткань и выдул из свежих царапин застрявшие песчинки. На полу он обнаружил ошейник с металлическим поводком из кабинета Павленко, который, оказывается, прихватил с собой. Тихон запихнул его в карман.

Потом внимательно осмотрелся и прислушался. Погони не было, это его обрадовало.

Раз он оказался в подвале — надо его обследовать. Именно сюда стремился Сашка. Заколов прикрыл входную дверь, кое-как приставив на место разбитые щепы косяка. Пальцы повернули увиденный на стене выключатель. Под потолком зажглась тусклая лампочка.

Комната, в которой он находился, оказалась довольно большой, но пустой. Широкий проем привел Тихона в следующее помещение. Пальцы покрутили найденный выключатель, однако ни к какому видимому эффекту это не привело. Заколов осторожно двинулся дальше.

Постепенно глаза привыкли к темноте, стали различимы очертания стен и крупных предметов, но черные углы комнат совершенно не просматривались. Эх, если бы у него оказались спички или зажигалка, он смог бы разглядеть все подозрительные уголки — а вдруг там Света! Но ничего подобного у Заколова не было, и он на ощупь шел вдоль основного прохода подвального помещения.

Неожиданно где-то впереди раздался неясный шорох или шепот. Тихон хотел громко позвать Свету, но воздержался — а что, если рядом с ней насильник! Надо было действовать наверняка.

Заколов ступал тихо, постепенно убеждаясь, что в подвале явно кто-то есть, и этот кто-то двигается, кричит, что-то ворочает. Звуки были странными и тревожными. В какой-то

момент показалось, что их издает нечеловеческий монстр, способный жить в полной темноте. Сердечко затрепетало перед таинственной неизвестностью, но возбужденное любопытство, помноженное на азарт сыщика, подталкивало вперед. Вскоре Тихон заметил пыльный столп света, наискосок падающий в проход.

Свет немного успокоил. Если монстр и существует, то он тоже нуждается в освещении, а не передвигается в кромешной темноте по запаху, подобно насекомым. Тихон перевел дух и осторожно приблизился к освещенному проему. Тело замерло, вжалось в стену, шея потянулась к выступу. Тихон рассчитывал незаметно выглянуть в таинственное помещение. Сердце стучало в груди как колотушка по большому барабану, но он надеялся, что концертным залом для этого инструмента являлось только его оболочка, и дальше эти стуки не распространялись.

Едва Тихон подвел краешек глаза к углу стены, как неожиданно услышал гулкий вопрос:

– Ты кто такой?

Заколов отшатнулся. Он не разобрался, откуда прозвучал голос, но не успел очухаться от потрясения, как вопрос повторился:

– Ты кто такой? Что тебе здесь надо?

Тихон непроизвольно сжался, опасаясь нападения неизвестного, и огляделся. Никого не было видно. Это пугало еще больше. Где этот монстр, в каком из темных углов? Ти-

хон стоял, прижавшись спиной к стене, и нервно озирался. Ему вдруг показалось, что в подвале стало жутко холодно, словно он попал в морозильную камеру. Согнутые в боксерской стойке руки тряслись от напряжения. Где противник?

И тут вновь прозвучало:

– Не бойся, я бить не буду.

На этот раз Тихон понял, что голос доносился сзади из освещенной комнаты и отражался эхом от бетонных стен. Но как сквозь стену видит его таинственный монстр?

– Будешь молчать? – спросил голос.

Тихон собрался с духом, чтобы ответить, но голос продолжил:

– Я помогу тебе приподнять голову. – Послышался шорох, и нездоровое хихиканье: – Или придушу.

Заколов догадался, что, обращались совсем ни к нему. Его никто не видит! Он успокоился и осторожно выглянул из-за угла.

В нескольких шагах он заметил спину незнакомца, склонившегося над упавшим человеком. Лица лежащего Тихон не мог разглядеть, но сандалии и ноги, одетые в коричневые вельветовые джинсы, он узнал сразу. Это были ноги Сашки Евтушенко! Его хотели задушить!

Тихон, ни мгновения не колеблясь, с криком ярости набросился на гнусного насильника. Под ногами зазвенели рассыпавшиеся пустые бутылки. Заколов повалил незнакомца лицом на пол и связал вывернутые руки собачьим поводком.

Когда с противником было покончено, он в тревоге наклонился к Сашке. Тот пытался приподняться на локтях, блуждая мутным взором. Он различил Тихона, его взгляд прояснился, и на лице друга появилось подобие кислой улыбки.

– Что случилось? – тревожился Тихон.

– Я чихнул и... – Сашка сморщил лоб, пытаясь хоть что-то выудить из памяти, но безнадежно выдохнул: – Ничего не помню.

Покачиваясь, он сел на пыльном полу и ощупал голову.

– Кровь, – вяло произнес он, посмотрев на пальцы.

– Все ясно! – нахмурился Тихон. – Этот гад долбанул тебя по башке! Сейчас мы с ним разберемся.

Он подошел к скорчившемуся незнакомцу и перевернул его. На Тихона уставилось радостное лицо молодого казаха с редкой щетиной на щеках. Хотя нос у казаха был разбит в кровь, он широко улыбался, будто встретил старых приятелей.

– Ребята, я не со зла, – заговорил казах. – Я думал это солдат-армянин опять полез за моими консервами. Хотел его проучить.

– Какой армянин? – Раздраженно прервал Тихон. – Лучше скажи, где Света?

– Какая Света? – также недоуменно произнес казах. – Я тут живу, никакой Светы не видел. Я его, – парень указал подбородком на Сашу, – принял в темноте за Ашота со стройки. Ашот у меня продукты ворует.

Саша поднялся, вытащил из кармана очки и приятно удивился их целости. Рука привычным жестом водрузила оправу на нос, ожившие глаза быстро осмотрели комнату. Вот она железная сетка от кровати, скрип которой он слышал. Сетка, покрытая сверху драной тряпкой, стояла на кирпичках у стены.

К разочарованию Евтушенко, связанной Светы не было. В комнате имелось также несколько ящиков, образующих подобие тумбочки и стола. В двух углах стояли пустые бутылки. На ящиках кроме миски и кружки, Саша с удивлением разглядел учебники и тетради. На трубе у стены висела какая-то одежда. Под импровизированной кроватью хранились две коробки из-под консервов.

– Ты здесь живешь? – изумился Евтушенко, завершив беглый осмотр.

– Да, живу, – радостно ответил парень, все также неловко лежащий на спине.

– Я сюда шел на скрип этой кровати, – объяснил Саша Тихону, – думал, здесь Света.

Заколов отнесся к этой мысли серьезно, уж слишком подозрительным был казах, напавший на Сашку. Еще неизвестно, чем бы все закончилось, не подоспей он вовремя. Тихон внимательно изучил железную сетку, выискивая малейшие клочки ткани, таким же образом осмотрел помещение и вывернул карманы связанного парня. Поцарапанные руки перебрали находки под светом висящей на потолке лампы.

Разочарованно вздохнув, Тихон обратился к казаху:

– У тебя фонарик или спички имеются? Мне надо подвал осмотреть.

– Зачем фонарик? – с энтузиазмом отозвался парень. – Тут лампы есть, но я их немного выкрутил. Подвинти – и будет свет.

– Посторожи его, – обратился Тихон к Сашке. – Я все тут проверю.

Через несколько минут он вернулся. Казах уже сидел на кровати, но руки его были по-прежнему связаны. Сашка нашел в дальнем конце комнаты кран с водой и промывал рану на голове.

– Ничего подозрительного. Никаких следов пропавшей девушки, – разочарованно сообщил Тихон и тоже постарался привести себя в порядок.

– Где это ты так? – спросил Саша, показывая на разбитую голову.

– У Павленко в кабинете об стол приложился, – улыбнулся Заколов. Потом посерьезнел и хмуро добавил: – Надеюсь, он меня не разглядел.

Тихон подошел к казаху и с сомнением спросил:

– Ты действительно здесь живешь?

– Больше негде, – вздохнул казах. – Я – бомж.

– Не понял, кто?

– Человек Без Определенного Места Жительства, – дружелюбно пояснил парень.

– А разве такие люди бывают?

– Бывают. Я же вот – есть.

Тихон где-то слышал это слово, но никогда подобных людей не встречал. Он сел на заскрипевшую кровать и спросил:

– А как ты здесь в подвале без определенного места жительства оказался?

– В прошлом году я поступал в институт, – казах бросил взгляд на бетонные плиты потолка. Потом на мгновение умолк и повернулся к Тихону. – Меня Муратом зовут.

Заколов представился:

– Тихон. А он – Сашка, – но развязывать руки казаху не спешил.

– Саша, ты не обижайся, я не со зла, – вновь извинился Мурат и сочувственно поинтересовался. – Голова не кружится, не тошнит?

– Уже полегчало, – сделал неопределенный знак Евтушенко.

– Это хорошо, значит, сотрясения мозга нет, – убежденно кивнул Мурат и осторожно спросил: – А вы кто?

– Абитуриенты, – ответил Саша.

Он к тому времени пристроился на один из ящиков напротив кровати, и с интересом смотрел на необычного человека.

– Я тоже абитуриентом был, – радостно продолжил рассказ Мурат. – Поступал, но не поступил. Сочинение по Тургеневу «Отцы и дети» на двойку написал. Я по-русски гово-

рю хорошо, а пишу плохо. Нет, пишу тоже хорошо. Как говорю, так и пишу, только ошибок много делаю. Где одно «н» надо писать, а где два, где «а», где «о» – ничего не знаю, а когда думаю, что знаю, оказывается – неправильно. Еще эти запятые. Где их ставить, где – нет! Как вы русские в этом разбираетесь!

– Я – украинец, – сообщил Сашка.

– А ты дома по-украински говоришь? – живо поинтересовался Мурат.

– Нет. Я только отдельные слова знаю.

– Какой же ты украинец? А у нас дома – только по-казахски говорили, мать по-русски, ни бум-бум! Это отец меня заставлял русский учить, говорил, без русского – человеком не станешь. У нас аул большой, рис выращиваем, тут недалеко, около станции Джусалы. Но в ауле живут одни казахи. Еще корейцы есть – и все! Летом отец отправлял меня к родственникам в Целиноград. Там все по-русски говорят, это – настоящий русский город, только, в Казахстане почему-то находится. Говорить я там и научился. А писать – не очень. У нас учительницей русского языка – тоже казашка была. Она мне всегда пятерки ставила, потому что сама не знала, как правильно. Отец у меня самый главный в ауле – председатель колхоза. Остальные учителя мне тоже пятерки ставили, даже медаль хотели дать. Но в области медаль завернули. Наверное, мое сочинение там прочитали, а может, отец мало баранов нужным людям подарил.

Парень рассмеялся и продолжил:

– Но в аттестате у меня все пятерки были. Раз я такой умный оказался, то отец меня послал сюда учиться. Тут космодром, космонавты, ракеты, современная техника – и от дома недалеко. Я в семье единственный сын, еще пять сестер есть, но сын важнее. Отец меня ценил и хвастался моими успехами. Мои одноклассники или дома остались, или в Кзыл-Орду да Чимкент отправились, в пединститут, да в сельхозтехникум. А я – в Космический институт! Звучит!

Провалился я на проклятом сочинении, оно последним было. И поехал домой. А там меня ждут, как победителя, всем уже сообщили, что я первые экзамены успешно сдал. Приехал к отцу и не смог ему правду сказать, соврал, что поступил. Как он радовался, как все праздновали! Пришлось к первому сентября сюда вернуться. Тут как раз экзамены на вечерний факультет были, и я – поступил. Ура! Там русский устным был. Получается, что родителей я не обманывал – поступил ведь, хоть и на вечерний.

Меня даже в общежитие поселили. Повезло. Но если на вечернем учишься, надо обязательно работать. Я устроился грузчиком в гастроном. Хорошо – и при продуктах состою, и в общежитии живу, и в институте учусь. Вот, как хорошо было. На лекциях я, правда, мало что понимал. Там такие уравнения пошли, дифференциалы, интегралы, производные третьей-четвертой степени. Совсем не то, что в школе. Только с историей КПСС у меня получалось. Когда ка-

кой съезд состоялся, что обсудили, что приняли, какая пятилетка – коллективизации, какая – индустриализации, все знал, вплоть до пятилетки эффективности и качества. В зимнюю сессию историю на пятерку сдал, а матанализ и термех – завалил. Матан потом с третьего раза на трояк пересдал, а термех – никак. Надоело мне все: теоремы, доказательства, задачи – на занятия перестал ходить. Зачем мучиться, если ничего не понимаю. Послал учебу к шайтану. Меня и отчислили.

Домой вернуться стыдно. Отца жалко – он меня ученым стал считать. Я захотел просто пожить, поработать. А тут, весной – повестка в военкомат, в армию забирают. И одновременно меня из общежития выселяют, ведь я уже не студент.

– Так что же ты сейчас не в армии? – удивился Саша.

– Страшно стало. Зашлют куда-нибудь в Сибирь. А я степь люблю, чтобы солнце было и простор. Леса я боюсь, там темно, кусты густые и деревья высокие. Почему так – армян и грузин сюда служить отправляют, вместо них в горы – русских, а нас казахов и узбеков – всегда в Сибирь? Подумал я – и не пошел в военкомат. Меня потом военные в магазине искали. Я там еще и сторожем ночным стал работать, чтобы было, где спать. Убежал вовремя, когда их увидел! Сюда к институту прибил. Тут стройка спортзала началась, стену продолбили, отличный проход сделали. С тех пор здесь живу, от армии косю.

– Чего от армии? – не понял Тихон.

– Косю, – неуверенно повторил Мурат. – Может, я неправильно говорю по-русски? Я слышал, когда за мной в магазин из военкомата пришли, то офицер спрашивал: где грузчик, который от армии косит?

– Интересный оборот: косить от армии. Никогда не слышал, чтобы кто-то от армии косил, – задумчиво произнес Саша. – Может, у тебя глаза косые? – Сашка стал вглядываться в лицо Мурата.

– Почему так говоришь? – обиделся Мурат. – Глаза обычные, только узкие. Я же не китаец, я казах!

– Что дальше будешь делать? – спросил Тихон, оглядев унылое помещение.

– Думал снова в институт поступать, – Мурат кивнул на учебники. – Не получилось. Документов нет, их в военкомат забрали.

– А на что же ты живешь? – удивился Сашка.

– Бутылки собираю. 0,5 литра – по двенадцать копеек сдаю, 0,7 и из-под шампанского – по семнадцать. Жить можно, люди много бутылок выбрасывают. – Мурат посмотрел на разваленные в пылу борьбы бутылки, вздохнул: – Порядок нарушили. У меня в каждом углу по тридцать штук стояло.

– Я тебе помогу, – посочувствовал Тихон нелегкой доле казаха и быстро вернул бутылки на прежнее место. Даже проверил – в каждом углу вновь, оказалось, по тридцать бутылок.

– Справа были маленькие, а слева большие. А сейчас перепутались. Надо переставить.

– Это уже делай сам. – Тихон развязал казаху руки.

Мурат встал и задумался, с какой кучи начать?

– Интересно, чего больше: среди больших бутылок маленьких, или среди маленьких больших?

– Одинаково, – не глядя, ответил Тихон.

– Ты успел посчитать?

– В данном случае считать не требуется. Простая логика.

– Несколько больших бутылок откатились к маленьким, – попытался рассуждать Мурат. – Потом столько же, не разбирая, какие именно, ты вернул обратно. Среди больших бутылок оказались маленькие, и их количество равно числу больших бутылок в стане маленьких?

– Да.

– Но ты даже не знаешь, сколько именно бутылок переставил.

– Это логично. Перемещай хоть все, а потом расставь обратно по тридцать. Результат будет тот же.

– Сейчас проверю. – Мурат пересчитал бутылки и воскликнул: – Точно! А если бы маленьких бутылок было больше? Например, сорок?

– Хоть сто сорок. Главное, чтобы после всех перестановок в каждой куче осталось прежнее количество. Тогда число неправильных бутылок в каждой куче будет одинаково.

– Почему? – изумленно спросил Мурат.

– Подумай. Найти решение самому интереснее, чем узнать готовый ответ. – Тихон окинул взглядом безрадостную обстановку и серьезно продолжил: – Надо тебе ехать на БАМ. Поработаешь на ударной комсомольской стройке. К истории приобщишься. Будешь потом внукам говорить. Я строил Байкало-Амурскую магистраль!

– У меня же документов нет. И строить я ничего не умею.

– Ерунда, скажешь, что в дороге потерял. – Продолжал советовать Тихон. – А рабочей специальности тебя обучат, было бы желание. Ты пойми, эта знаменитая стройка вот-вот закончится, и ничего более грандиозного у нас в стране уже не будет!

Мурат почесал затылок.

– Между прочим, ты – уникальный человек! – поразмыслив, сообщил Заколов. – И бомж, и без документов, и от армии косишь, и живешь только на сданные бутылки. Таких людей в нашей стране, наверняка, больше и нет. Ты единственный!

– Вот такой я, – тяжело вздохнул Мурат. – Я бы и рад как все жить, но обстоятельства...

– Мурат. – Тихон вспомнил, ради чего оказался в подвале. – Два дня назад ты здесь девушку не видел? Ее вытолкнули из окна туалета с твоей стороны здания.

– Что разбилась? – ахнул Мурат.

В его узких глазах Тихон не увидел никакой иронии или притворства.

– Нет, ее выволокли из окна первого этажа. Или она сама оттуда вылезла. С тех пор она пропала.

– Девушку я не видел... Я около стены не сижу. Когда вылезая, то быстро ухожу, чтобы не заметили... Тут солдат из стройбата, Ашот, на стройке торчит, вместо сторожа. Вот ко-го надо спросить. Только это вы сами, я с ним ругаюсь. Он у меня еду ворует.

– Видел я вчера солдата, – вспомнил Тихон, – дрых на песочке.

Ребята распрощались с Муратом и выбрались из подвала через небольшое отверстие вдоль труб.

После спертого подвального духа хотелось полной грудью вдохнуть свежий воздух. Но солнце зависло в зените, воздух был раскален, и никакой свежести не ощущалось. Прохлада подвала в эти минуты показалась манящей и комфортной. Заколов и Евтушенко обошли небольшую стройплощадку. Сейчас здесь не было ни одного местечка, где можно было бы укрыться от солнца. И ни одного человека.

Зато за ними следили сразу две пары глаз. Одна задумчивая из подвала, другая туманно-испуганная из-за угла.

Глава 8. Новая версия

Пока друзья возвращались в общежитие, Тихон рассказал о том, что видел и слышал в кабинете Павленко. Общее мнение сформулировали так: заведующий кафедрой марксизма-ленинизма скользкий двуличный тип с сомнительными увлечениями, но для безоговорочной роли маньяка-наильника фактов пока маловато. Надо за ним понаблюдать.

– Смотри! – Тихон остановился и присел на корточки. Под ногами бегали черные муравьи с поднятым вверх брюшком. – Это бегунки! Недавно вылупились, вылезли сдуру на жару, бегают, ищут пищу.

– А чем они питаются? – спросил Сашка, зная страсть приятеля к насекомым и паукам.

– Мертвечиной всякой. Дохлыми мухами, раздавленными кузнечиками. И от чего покрупнее не откажутся. На Балхаше бегунков не было. Здесь климат жарче.

Над муравьями закружилась стрекоза, спикировала на одного из них, деловито откусила брюшко, а оставшуюся часть бросила. Лапки жертвы еще дернулись раз-другой, а стрекоза уже парила и высматривала новую добычу.

– До сентября доживут не все, – грустно констатировал Тихон. – У них самостоятельная жизнь только начинается, опыта еще никакого, и вот – первые уроки.

Тихон рассказал, как видел двух армян в бинокль из ка-

бинета Павленко. Они прошли мимо института и скрылись в нежилой части города, где находились солдатские казармы и заброшенные бараки.

– Что их туда тянет? – спросил он.

– Угюмые они. По ночам вечно бродят, – согласился Евтушенко, когда ребята входили в комнату.

На кровати в одних шортах лежал Борис и наигрывал на гитаре знакомую мелодию из репертуара «Beatles».

– Это вы о ком болтаете?.

– Об армянах из общежития. Странные они какие-то.

– Да педики обычные. Точно, говорю, голубые! – уверенно заявил Борис.

– Как голубые? – не понял Саша.

– Вот темнота провинциальная! – рассмеялся Борис. – Так мужиков гомосексуалистов называют. Го-лу-бы-ми!

– Любопытно... – Тихон задумался. – Карен с усами и бакенбардами, говорит грубым голосом и ведет себя, как старший. А Гамлет – стройненький, гладенький и голос у него мягкий, плавный.

– После двух лет в казарме, кто хошь поголубеет, – засмеялся Борис.

– У нас же за это уголовное наказание предусмотрено, – возмутился Саша.

– Вот они и скрываются, – согласился Борис. – На самом деле голубых хватает. У меня в Москве в артистических кругах знакомые есть. Они такое рассказывают!

Борис небрежно отложил гитару и указал на окно, заклеенное фольгой:

– Вот, умные люди подсказали, что сделать.

Фольга затеняла и отражала солнечный свет. После полуденного пекла в комнате показалось комфортно. Тихон стянул грязную порванную рубашку, а Сашка пытался рассмотреть ссадину на голове в небольшом зеркале над раковиной.

– Где это вы угваздались? Ого, кровь, – удивился Борис.

– Было дело под Полтавой. – Тихон посчитал, что не стоит посвящать Бориса в детали расследования. – В темном подвале в прятки играли, и приложились. Дай посмотрю, что у тебя? – Тихон раздвинул густую шевелюру на голове друга. – Шишка приличная, и кожу содрал, но кровь уже запеклась. А у меня глянь.

– Ссадина, – заключил Сашка, рассматривая макушку приятеля. – Надо вокруг волосы срезать и йодом залить. У нас йод есть? – обратился он к Борису.

– У меня только таблетки от поноса и аспирин. От поноса я все извел, пока желудок к столовке привыкал.

– У меня, наверное, йод есть, – подумал Тихон.

Он выдвинул чемодан из-под кровати и извлек оттуда коробочку с бинтами, йодом, пластырем и таблетками.

– Ого, ты запасливый! Будто на войну собрался, – удивился Борис.

– У меня мама – медсестра. Напихала в дорогу! Мне легче было взять, чем отказаться. Но, видишь – пригодилось.

Ребята обработали раны йодом, кряхтя от щиплющей боли и дуя друг другу на макушки.

– А Павленко, главный марксист, журналом «Плейбой» интересуется. В кабинете у него видел, – сообщил Заколов.

– «Плейбой»? А какой номер? Пятый, за этот год? – заинтересовался Борис.

– Да, пятый, – припомнил Тихон.

– Это же мой журнал! – возмутился Борис. – Я его из Москвы привез! Боня по общаге с ним бегал, пока Серафима не замела. Крик подняла – порнографию распространяете! А сама Павленко отнесла. Вот так всегда – простому народу нельзя, а руководителям можно!

Вечером, после того как ребята полистали учебники по предстоящему экзамену и сходили в столовую поужинать, они заглянули в комнату к Наташе.

– Ты в милицию звонила? Новости о Свете есть? – спросил Тихон.

Грустная Наташа угнездилась на кровати, привычно подобрав голые ноги. По ее отстраненному виду можно было понять, что сидит она так уже долго, и мысли у нее не самые радостные.

– Я звонила, а меня спрашивают: вы кто, родственница? – печально ответила она.

– И что дальше? – встревожился Тихон. Из-за горестного тона девушки, он подумал, что Свету обнаружили мертвой.

– Сказали, что ничего неизвестно... Ждите, говорят, – еще тише произнесла Наташа, не поднимая глаз.

Тихон не мог смотреть в лицо девушки, будто именно из-за него Света до сих пор не найдена. Он смущенно глядел на девичьи коленки, торчащие из-под короткого халатика, и желал только одного, чтобы у Наташи все было хорошо. Он хотел, чтобы тревоги и страхи ее рассеялись, и она видела в нем не «палочку-выручалочку» для решения математических задач, и даже не отважного помощника в деле розыска одноклассницы, а хорошего парня, с которым можно дружить и делиться самым сокровенным. Но сейчас все мысли Наташи были о подруге. Она пребывала в смятении и выглядела подавленной. Тихон понимал, что чем дольше будет длиться тревожная неизвестность, тем мрачнее будет становиться девушка. А им еще предстояли важные экзамены. Сдавать их надо со светлой головой и в хорошем настроении.

Тихон хотел рассказать о сегодняшних поисках, но с грустью осознал, что рассказывать, в общем-то, не о чем. Ну, следили они за Павленко, ну, лазили по подвалу, но ведь ничего не нашли, и к разгадке не приблизились. Только ссадины на макушках получили.

– Мы пойдем. Попытаемся, кое-что разведать, – пообещал Тихон, чувствуя общую неловкость, и утащил за собой Сашку.

Когда приятели вышли в коридор, Тихон поделился только что возникшей мыслью:

– Я хочу проверить комнату армян. Они учатся на подготовительном отделении уже целый год. Все ходы-выходы в институте знают. Может, Света их чем-то обидела или догадалась об их странных отношениях и прямо сказала об этом. Она колючая, постоянно дерзит. А они испугались, что она расскажет в институте, и их, как минимум, просто не примут, а то еще и уголовное дело заведут. Ты не забывай, девчонки здесь живут уже целый месяц. Мало ли что она могла видеть и слышать?

– Может, спросить об этом Наташу? – предложил Саша.

– Ты же видишь, в каком она состоянии. Все равно толком ничего не вспомнит. Нам надо найти улики против Карена и Гамлета. Мы их предъявим милиции, и те быстро доведут дело до конца.

– Что ты предлагаешь? Следить за ними?

– Я хочу забраться к ним в комнату и произвести обыск. Вдруг что-нибудь найду.

– Как ты туда проникнешь?

– Да брось ты, это плевое дело! Посмотри, здесь все замки однотипные, значит, половина ключей подходит друг к другу. К тому же, по правилам они должны оставлять ключи на стенде рядом с вахтершей. Нужно отвлечь ее и взять ключи. Давай, проверим, здесь армяне или нет?

Летом из-за студенческих каникул пятиэтажное общежитие пустовало. Абитуриентов селили только на первых двух этажах. Карен и Гамлет жили в дальней угловой комнате на

втором этаже. Тихон подошел к их двери с номером 228 и постучал. Никто не отозвался. Для верности он подергал за ручку, дверь оказалась запертой.

– Вот видишь, уже вечер и они как всегда куда-то смылись, – убедил Тихон Сашку. – Их долго не будет. Пойдем вниз, посмотрим ключи от комнаты.

В небольшом холле за типовым письменным столом сидела пожилая вахтерша Таисия Ивановна, которую все звали скороговоркой – Таисьявана. Рядом с ней на стене висел небольшой стенд для ключей от комнат. На гвоздике с цифрой 228 ключа не было.

– Таисьявана, а Карена с Гамлетом не видели? – спросил Тихон.

– Да ушли они кудысь, давно еще, – оторвавшись от чтения газеты «Правда» ответила вахтерша. – А тебе они по что?

– Да так, про Арарат хотел спросить, – ляпнул первое пришедшее в голову Тихон.

– Ереванский «Арарат» – футбольная команда? – Оживилась Таисьявана. – А что про него спрашивать? Продули они. Это тебе не семьдесят третий, когда «Арарат» стал чемпионом СССР. Теперь киевляне опять всех давят.

– Это я знаю. – Тихон удивился осведомленности вахтерши в футбольных делах и продолжил разговор, чтобы не вызывать ненужные подозрения. – Я другой Арарат имел в виду. Горную вершину. О ней еще в Библии пишут.

– В Библии! – Таисьявана отложила газету и привстала. – Это где ж ты читал эту Библию? У нас Библий не выпускают! Через три месяца будет ровно шестьдесят лет, как никаких Библий в нашей стране не издают. Большой праздник будет – день Великой Октябрьской Социалистической Революции! У нас не загнивающий капитализм, у нас – развитой социализм!

Таисия Ивановна для убедительности ткнула пальцем в крупный заголовок газеты «Правда».

– Это логично, – поспешно согласился с агрессивной вахтершей Тихон. – Я про «Занимательную Библию» говорю, ее один француз написал, там развенчиваются все религиозные мифы и легенды о сотворении мира.

– Француз? – недоверчиво переспросила Таисьявана. – Во Франции сильная коммунистическая партия. А вот в США – слабая! Поэтому Анджелу Дэвис до сих пор в тюрьме держат!

Ребята догадались, что со старушкой лучше не вступать в длительные дискуссии, и вежливо кивая, удалились вверх по лестнице. Между этажами Тихон остановил Сашу и зашептал:

– Ты спускайся вниз и стой на шухере. Увидишь армян, задержи их, и дай мне знать. А я пока попробую в их комнату забраться.

– Как я тебе предупрежу?

– Да они всегда поздно приходят. Успею, – отмахнулся

Тихон. – Постой на всякий случай.

Тихон подтолкнул друга вниз, а сам устремился на второй этаж. Первым делом он взял ключ от своей комнаты и, дождавшись, когда в коридоре никого не будет, попытался открыть дверь в комнату армян. В личинку ключ вошел, но все попытки поворота, как влево, так и вправо, ни к чему не приводили. Замок скрежетал, скрипел, но не поддавался, а в коридоре в любой момент мог кто-нибудь появиться.

Тихона заглянул к Наташе и попросил ее ключ. Девушка сидела на кровати в той же задумчивой позе. Сумерки сгустились, но свет она не включала.

– Зачем тебе?

– Чтобы разобраться в исчезновении Светы. Я через полчаса занесу.

– Бери, – равнодушно согласилась Наташа.

Тихон вернулся к нужной двери, но в коридоре появились два парня – похожие друг на друга, как братья близнецы. Тихон пригляделся к ним – ну точно близнецы! А те оживленно обсуждали задачу по геометрии, и даже когда остановились около своей двери, продолжали бурно спорить и размахивать руками. Прошло минут пять, заходить внутрь они не спешили, пылко повторяя одни и те же аргументы.

Когда терпение Тихона иссякло, он вежливо посоветовал:

– Ребята, попробуйте все это записать на бумаге и проверьте результат. Тогда сразу будет ясно, кто из вас прав.

– Точно! – обрадовались два брата и, толкая друг друга,

скрылись за дверью.

Тихон, наконец, смог снова заняться осуществлением дерзкого плана. В этот раз в замке что-то щелкнуло, ключ провернулся, и дверь открылась.

Глава 9. Гора Арарат и бюстгальтер в мужской комнате

Саша Евтушенко спустился в холл при входе в общежитие. Болтать с Таисьяной ему не хотелось. Из-за многолетней вахтерской службы у нее сформировалась агрессивно-наступательная манера вести беседу со студентами. Основными ее словами были: куда и зачем. Она целыми днями читала газету «Правда» от передовицы до новостей спорта, поэтому могла поддержать разговор на любую тему. Свое мнение она высказывала веско и категорично, и оно всегда совпадало с мнением любимой партийной газеты.

Чтобы не маячить у нее на глазах, Саша вышел на крыльцо под большой бетонный козырек. Рядом с входом на первом этаже располагалась комната коменданта общежития Серафимы Михайловны. Ее окно закрывала решетка. Когда в полдвенадцатого вечера общежитие закрывалось, опоздавшие как раз по этой решетке забирались на козырек и проходили через окна на второй этаж.

Солнце уже зашло, и сумерки быстро сгущались. Воздух медленно расставался с каждым градусом накопленной жары. От нагретых каменных стен исходили теплые волны. Армян не было видно, и Саша вернулся в общежитие.

Таисия Ивановна как всегда хмуро взглянула на вошед-

шего.

– Зачем туда-сюда шастаешь, двери тревожишь? – спросила она и, не дожидаясь ответа, задала новый вопрос. – А где твой приятель?

«Чего она лезет со своими вопросами, не заподозрила ли чего?», встревожился Саша. Он обратил внимание, что вахтерша дочитывает последнюю страницу газеты и чтобы увести разговор от неудобной темы, задал ей встречный вопрос:

– А что про погоду пишут?

– Да ну ее эту погоду, – живо откликнулась Таисьявана. – Вот давление. Придумали какие-то килопаскали! Раньше как хорошо было, 760 миллиметров ртутного столба – и все понятно. А сейчас – сплошные килопаскали! Даже не знаю, должно у меня спину ломить или нет? Вот горе-то!

– Паскаль – это единица измерения давления в системе СИ, – пояснил Саша. – Все параметры лучше измерять в метрической системе. Это же удобно!

– Ой, не знаю, кому это удобно. Я никак привыкнуть не могу. Может, зря они это затеяли?

– Да вы что! Это же главная партийная газета! – Нашел веский аргумент абитуриент. – В «Правде» зря ничего не придумают.

– Значит так надо, – обреченно согласилась Таисьявана.

Неожиданно за Сашкиной спиной скрипнула дверная пружина, и он услышал голоса Карена и Гамлета:

– Здравсьте, Таисьявана. Бодрого здоровьица.

– Привет, – Карен хлопнул по плечу Сашку и, не останавливаясь, устремился к лестнице.

«Ну, все, сейчас они застукают Тихона! Как я его предупреджу?» – с ужасом подумал Саша.

– Карен! – окликнул он. – А почему у вас в Армении все Араратом называют? Ведь гора Арарат в Турции находится?

Оба армянина тотчас обернулись. Улыбка на их лицах исчезла, смуглые щеки побелели, а в глазах появился холодный блеск.

– Арарат – наша гора! – Веско заявил Карен. – Он тысячи лет был нашим, туркам он принадлежит временно. Ты знаешь, что Еревану исполнилось две тысячи семьсот пятьдесят лет? И это только официально. А на самом деле армяне в наших горах живут уже 4000 лет! А турки там совсем недавно.

Далее Саша узнал от разгоряченного Гамлета, что армяне – древнейшая нация на земле. Что первый человек произошел на территории Армении. Что после всемирного потопа Ноев ковчег нашел спасение на горе Арарат, и оттуда возродилось человечество и все живое на земле. И если бы Сталин не был грузином, а был армянином, то он в сорок пятом ввел войска на территорию Турции и забрал Арарат обратно.

Евтушенко радовался, что задал такой удачный вопрос. Время идет и, возможно, Тихон услышит громкие голоса армян. Даже Таисия Ивановна, всегда вмешивающаяся в чужие разговоры, переводила удивленный взгляд с одного армянина на другого, не успевая вставить ни единого слова.

– А ты знаешь, что ответили армяне туркам, когда они задали такой же вопрос, что и ты? – спросил Гамлет Сашу и хитро прищурился.

– Не знаю.

– Турки спросили, почему гора Арарат нарисована на вашем гербе, когда она стоит у нас? – четко с расстановкой произнес Гамлет, одновременно ввинчивая указательный палец вверх. Он сделал долгую паузу, видимо, означавшую смятение, которое должен был вызвать вопрос у армян. Затем рука продолжила движение к потолку, и Гамлет гордо произнес: – И армяне ответили туркам вопросом на вопрос. Почему на турецком флаге изображен месяц, хотя он светит на нашем небе и над всем миром?

Довольные собой армяне замолчали, давая понять, что лучше уже не скажешь, и с гордым видом пошли наверх. Саша устремился за ними, лихорадочно размышляя, как опередить их и предупредить Тихона?

Армяне быстро проскочили три ступени, отделявшие холл от коридора первого этажа. Саша догнал их, но они уже вступили на узкую лестницу с первого этажа на второй. Опередить двух человек на этой лестнице не было возможности. Вот они прошли первый пролет, повернули и стали подниматься дальше.

Саша быстро просчитывал, где мог сейчас находиться Тихон. Если ему не удалось сразу проникнуть в комнату, то он бы давно спустился. Значит, он в комнату попал! Если он

уже все сделал и вышел оттуда, то он бы тоже пришел, чтобы рассказать о результатах. Но его все нет и нет. Значит, он внутри! Оставалась единственная надежда, что Тихон только что покинул комнату армян, и сейчас появится в коридоре.

Лестница закончилась, все трое вступили в коридор второго этажа. Коридор просматривался в обе стороны. Зыбкая надежда рухнула – Тихона не было.

Армяне не спеша, шли к своей комнате, располагавшейся в самом углу. Здесь Саша мог их опередить, но что ему это даст? Если Тихон сейчас выйдет из комнаты, он так и так засыпался!

Армене миновали половину коридора. Все пропало! Как предупредить друга?

Саша остановился у двери в свою комнату, распахнул ее и громко крикнул:

– Тихон, беги новости смотреть! Уже начинаются!

Борис и Боня, сидевшие в комнате, удивленно уставились на него.

– Ты чего орешь? Нет здесь Тихона, – заявил Борис.

– Тихон, беги! Новости начинаются! – упрямо кричал Сашка.

– И где ты новости собрался смотреть? – поинтересовался Боня. – Телевизор до первого сентября убрали. Когда все вернутся – поставят.

А Саша с ужасом смотрел, как армяне подошли к двери. Карен достал ключ и обернулся. Их взгляды встретились.

– Карен, – тихо позвал Евтушенко.

– Что? – армянин смотрел внимательно и недоверчиво.

– Хочешь, задачки вместе порешаем? – предложил первое, что пришло в голову, Сашка.

Карен повертел ключ и нахмурил брови.

– Завтра, – коротко ответил он.

Ключ вошел в замок. У Саши замерло сердце. Карен покрутил рукой и удивленно промолвил:

– Кажется, я дверь забыл закрыть. – Он толкнул ее и пропустил вперед Гамлета: – Заходи.

«Какой сейчас будет скандал! – обреченно подумал Саша. – Тихона примут за вора!»

Когда Заколов вошел в комнату армян, он просто прикрыл за собой дверь, чтобы на обратном пути не мучиться с замком. За окном уже наступил глубокий вечер. Тихон протянул руку к выключателю, но тут же отдернул – свет могли заметить с улицы. Лучше действовать на ощупь.

С чего начать? Первым делом он проверил одежду на вешалке. Кроме письма, написанного по-армянски, в карманах ничего не было. Повертев исписанный тетрадный лист, Тихон решил положить его обратно – к кому обратиться за переводом он не представлял. В стенном шкафу он обнаружил непечатую бутылку коньяка «Арагат» пятилетней выдержки и блок армянских сигарет «Ахтамар». Рядом валялась рубашка с полуоторванным рукавом.

Обе постели в комнате были аккуратно заправлены. Чувствовалась армейская закалка жильцов. Тихон на всякий случай осторожно просунул руку под подушки, но ничего не обнаружил. На столе лежали учебники и тетради. Тихон пролистал несколько тетрадей, мельком вглядываясь в текст, и даже обнаружил ошибку в одном из примеров. Из учебника по геометрии вывалилась на пол небольшая бумажка. Тихон живо подхватил ее, но бумажка оказалась банальной шпаргалкой-гармошкой.

В комнате имелось две тумбочки, поставленные одна на другую. В верхней кроме книжек, бритвенных принадлежностей и прочих хозяйственных мелочей ничего интересного не оказалось. А вот в нижней тумбочке Тихон сразу же натолкнулся на женский бюстгальтер. «Вот это да! Чей он? – подумал Тихон. – А вдруг Светин?» Он подошел поближе к окну, откуда струился жидкий свет фонаря, и внимательно рассмотрел находку. Лифчик имел довольно большие чашечки, все крючки на нем были целы и даже не погнуты. Значит, силой его не сдергивали.

Тихон пошуровал рукой в тумбочке и нащупал мягкий комочек странной ткани. Расправив его, он обнаружил, что это колготки. Для полного комплекта только трусиков не хватало. Тихон задумался, что делать с неожиданными находками: забрать или оставить на месте?

Неожиданно из коридора послышался Сашин крик: «Тихон, беги...»! Дальнейших слов он не разобрал, но и так бы-

ло ясно, что друг предупреждает об опасности. Неужели армяне вернулись?

Тихон швырнул женское белье обратно в тумбочку и подошел к двери. Ладонь легла на ручку, снаружи послышались шаги. Кто-то остановился в коридоре напротив двери. Тихон быстро огляделся – спрятаться в маленькой комнате было совершенно негде. Он бесшумно метнулся к окну. Как и у всех в общежитии, оно не было закрыто. Тихон распахнул оконную раму и взобрался на подоконник.

В замке входной двери послышался скрежет ключа. Окно находилось прямо напротив входа в комнату. Как только откроется дверь, Тихона неизбежно заметят, и тогда... Нет, лучше не думать, о том, что произойдет в этом случае.

Евтушенко стоял в коридоре и с бешено бьющимся сердцем наблюдал, как Гамлет с Кареном вошли в комнату. «Что сейчас будет! – в который раз со страхом думал Саша. Он представил, как разъяренные горячие горцы накинутся на Тихона и, не слушая никаких объяснений, растерзают его. – Лучше честно рассказать им о наших подозрениях, – решил он, – а то нас примут за банальных воров!»

Сашка застыл на месте, ожидая шума драки, словно выстрела стартового пистолета. Он готов был в любую секунду помчаться на выручку друга.

Прошла одна бесконечно долгая минута. Изнывающе медленно потянулась другая. Никакого шума из комнаты армян

не раздавалось. От этой пугающей тишины Саше стало жутко. А вдруг армяне действительно виновны в пропаже Светы? Они поняли, что их раскрыли, мгновенно сориентировались, и быстро расправились с Тихоном как с опасным свидетелем.

В подтверждение опасений Сашка услышал какой-то сдавленный крик, доносящийся из конца здания.

Заколов, уцепившись пальцами за выступ на подоконнике, решительно свесился вниз. Его ноги болтались над пустотой. Вдруг, он услышал снизу чей-то вкрадчивый разговор.

– От девушек в общежитии всегда ждешь распущенности, или того хлеще – разврата.

– Такова нынешняя молодежь.

Тихон успел подумать, что эти голоса ему знакомы, от них исходила какая-то неясная тревога, но выбора у него не оставалось. Когда раздался звук открывающейся двери, а затем шаги, он оттолкнулся корпусом от стены и разжал пальцы.

Заколов рухнул и упал навзничь. Раскинутые в полете руки угодили в чьи-то тела. Раздался резкий крик. Когда Тихон вскочил, то увидел, что по бокам у него валяются и испуганно кричат председатель приемной комиссии Владлен Валентинович и комендант общежития Серафима Михайловна. Судя по всему, они еще не до конца поняли, что произошло. И это к лучшему.

Но что они делают в темноте под светящимся окном чьей-

то комнаты?

Тихон перескочил через лежащего Павленко и убежал за угол.

Сверху слышались удивленные возгласы армян, высунувшихся из окна. Они видели только двух перепуганных, солидных студенческих начальников.

Саша сделал несколько осторожных шагов по коридору к комнате армян. Приглушенный крик он слышал оттуда, и Тихон до сих пор не появился. Через мгновение Сашка бежал с одной мыслью – только бы спасти друга.

– Эй, ты куда? – резкий оклик из-за спины остановил Евтушенко перед самой дверью армян.

Не веря чутким ушам, Саша оглянулся и с невероятным облегчением увидел высывающегося из их комнаты Тихона.

– Ты? Но как? – недоуменно воскликнул Саша, топя обратно.

На его лице сияла глупая улыбка, а в глазах навернулись слезы, которые он незаметно смахнул ладонью.

– Там из окна выпрыгнул – тут через окно влез. Во всем надо соблюдать системность, – с хитрой ухмылкой заявил Заколов. – Ты вовремя крикнул, спасибо. А то бы меня застукали.

– Ну, что ты. Ерунда, – смутился Евтушенко.

– Что я у них нашел? – перешел на шепот Заколов. –

Очень подозрительные вещи. Пойдем к Наташе, надо ее расспросить об одежде Светы.

Постучав в дверь Наташиной комнаты, и предупредив: «Это мы», Тихон попробовал толкнуть дверь внутрь. На удивление она оказалась запертой. Тихон постучал сильнее. К двери никто не подходил. Вспомнив, что ключ от ее комнаты он брал с собой, Тихон сунул руку в карман. Залез в другой. Торопливо прощупал одежду.

Ключа не было.

Он забыл его в комнате армян! Это провал. На ключе номер комнаты!

Армяне найдут ключ и догадаются, что у них был посторонний. Как незаметно его забрать?

Решение пришло быстро. Тихон метнулся в комнату и тотчас вернулся с тарантулом на раскрытой ладони. Сашка невольно отодвинулся от большого паука.

– Не бойся, Тротя сыт и безопасен, – успокоил Тихон.

– И зачем он тебе?

– Сейчас увидишь.

Заколов подкрался к комнате армян и подпихнул паука под дверь. Затем отошел назад и резко закричал:

– Держи его! Держи!

Он подбежал к двери и забарабанил по ней:

– Откройте! У вас паук! Ядовитый паук!

Дверь раскрылась. Тихон отпихнул удивленного Карена и проскочил внутрь.

– Не двигайтесь! В комнате паук. Только я с ним справлюсь.

Тихон сдвинул тумбочку, незаметно прихватив с нее забытый ключ, и бросился на колени:

– Вот он! Тротя, не надо бегать за добычей. Я тебя сам накормлю. – Тихон любовно охаживал мохнатого паука.

– П-почему он у нас? – глаза Гамлета вылезли из орбит.

– Тарантул голоден. Учужал движущееся животное и устремился на охоту.

– Животное?

– Вы же сейчас по коридору прошли. Наверное, Троте понравился ваш запах.

Широкие ноздри Карена зашевелились.

– Раньше он жил рядом с казармами, – серьезно пояснил Тихон. – Привык к солдатскому запаху. Советую активно пользоваться дезодорантами.

Друзья покинули онемевших армян. Тротя с благодарностью был возвращен в банку.

– Я тебе песочка принесу, чтобы ты мог норку вырыть, – пообещал Заколов пауку.

После удачно проведенной операции по возвращению ключа, Тихон поспешил к Наташе. Постучал, затем попытался открыть дверь. Дверь была закрыта изнутри на шпингалет.

– Наташа, с тобой ничего не случилось? – громко позвал Тихон. – Открой, это я.

В комнате послышались нерешительные шаги, вжикнула задвижка. В узком проеме показалось испуганное лицо Наташи.

– Я боюсь, и закрылась, – ответила она и распахнула дверь.

– Чего ты боишься? – стараясь приободрить, спросил Тихон. – Мы здесь, рядом с тобой, и скоро во всем разберемся.

– Я всего боюсь. Я слышала какой-то крик с улицы. Шаги прямо под окном. Зачем ты забрал у меня ключ?

Тихон понял, что девушка опасается всех, в том числе и его. Ну да, он же не соизволил ничего объяснить – взял ключ и исчез, а уже ночь на носу. Что беззащитной девушке ждать одной в незапертой комнате после того, как бесследно исчезла подруга?

– Сейчас я тебе все объясню, – как можно спокойнее сказал он, проходя внутрь. – Понимаешь, какое дело, мы заподозрили армян, которые здесь живут. Ты их видела, наверняка. Мне надо было проникнуть в их комнату, а твой ключ, как раз и подошел к их двери.

– Светы нет уже два дня. Милиция ее не ищет. Я не знаю, что мне думать! Может, с ней случилось что-то ужасное.

– Наташа, я тебе еще раз обещаю, мы в этом обязательно разберемся. Ради Светы я и полез в комнату армян. Карен и Гамлет очень странные и подозрительные люди.

Наташа угрюмо села на кровать и затихла. Тихон и Саша остановились в центре комнаты около стола.

– В их тумбочке я нашел женский лифчик белого цвета.

На Свете в тот день, какой был бюстгальтер? – с трудом припомнив последнее слово, спросил Тихон. Ему казалось, что слово «лифчик» слишком вульгарное.

– По-моему, на ней был белый лифчик, – смутившись, ответила Наташа. Потом встрепенулась, встала с кровати и вытащила чемодан Светы. – Да у нее их всего только два. Оба белые. Какие же еще? Красные что ли?

Она порылась в чемодане, достала бюстгальтер, развернула его и показала смущенным ребятам:

– Вот, почти такой же на ней и был в тот день.

Тихон осторожно взял белье и с сомнением произнес:

– У армян побольше был. Пообъемней. Еще я нашел у них колготки, бежевые.

– Колготок на ней не было. Какие могут быть сейчас колготки – жара. В такую погоду мы их не носим. Не замечал? – уже уверенно и немного усмехаясь, спросила Наташа и выставила вперед голую ногу.

Тихон смущенно отвел глаза.

– Тогда это не ее колготки, – решил он, не зная радоваться или огорчаться. – И бюстгальтер получается тоже не ее.

– Тихон, а помнишь, что говорил про них Борис, – вмешался Евтушенко. – Может, они и правда того...

Саша не решился при девушке назвать возможную сексуальную ориентацию грубым словом и, поэтому просто выразительно повертел руками.

– Все может быть, – согласился Тихон. – Какие-то они все-

таки подозрительные эти армяне. – Он задумался, вспомнив, на кого свалился под окном. – Да и некоторые другие уважаемые люди не внушают доверия.

Глава 10. Отец Светы

Рано утром Заколов выскочил из общежития и побежал на школьную спортплощадку.

Солнце выкатилось из-за горизонта и лениво прощупывало остывший за ночь город. Длинные тени еще сохраняли островки относительной прохлады, но чистый небосвод не оставлял им ни малейших шансов в борьбе с набирающим высоту светилом. Небо пока выглядело как линиялая голубая тряпка, солнечные лучи пронизывали его под острым углом. Но скоро солнце подкатит к зениту, и будет бить вертикально. Тогда, вспомнил Тихон законы оптики, в ее спектре станет преобладать насыщенный голубой цвет, а тепловые волны, не сдерживаемые отражающим эффектом, безжалостно размоют контрастные температурные границы, и все живое будет с нетерпением ждать, когда же пылающая звезда насытится безграничной властью и свалится на запад, предоставив недолгую ночную передышку. А перед самым закатом, когда голубая часть спектра отражается вверх, на город упадут красные или даже багряные тона.

Когда Тихон вернулся в общежитие, ребята сосредоточенно собирались в институт. Сегодня должны были вывесить результаты первого экзамена, и каждый прикидывал, что за оценка его ожидает. А на вторую половину дня была запланирована консультация по геометрии – следующему из че-

тырех вступительных экзаменов.

Позавтракав чаем с нехитрыми бутербродами, Тихон, Саша и Борис вышли в коридор. Их неожиданно окликнула Наташа:

– Тихон, можно тебя на минутку?

Приятно, когда с самого утра о тебе вспоминает красивая девушка, подумал Тихон и с гордой улыбкой вошел в комнату Наташи. Его глаза сразу же натолкнулись на угрюмого круглоголового мужчину средних лет. Улыбка сползла с лица, губы натужно прошептали:

– Здравсьте.

– Это он. – Наташа обращалась к мужчине, словно продолжала прерванный разговор. Затем обернулась к Тихону. – Это папа Светы, Николай Егорович. Он только что приехал из Аральска.

Николай Егорович смерил Заколова долгим изучающим взглядом и, с трудом выдавливая слова, будто сквозь ком в горле, произнес:

– Пойдем... расскажешь мне... о Свете... – и тут же вышел из комнаты.

Тихон недоуменно последовал за ним. На крыльце общежития поджидал Сашка.

– Я потом подойду, – пообещал Тихон.

Борис курил, не выражая никакого интереса к происходящему.

Николай Егорович тем временем подошел к запыленным

красным «Жигулям». Скрежетнул ключ, Николай Егорович плюхнулся за руль и толкнул дверцу напротив.

– Садись! – приказал он Заколову.

Тихон послушно сел. Автомобиль сорвался с места. Заколов ждал, когда отец Светы начнет задавать вопросы. В нагретой машине неприятно пахло бензином, Тихон приоткрыл окно. Свежий воздух ворвался внутрь, дышать стало легче. Тягостное молчание продолжалось. Чтобы прервать неловкость Тихон спросил:

– Николай Егорович, вы не получали известий о Свете?

– Что?!

Автомобиль, клюнув носом, резко затормозил перед очередным перекрестком. Тихон чуть не ударился о лобовое стекло.

– Да, я получил известие... Очень неприятное известие! Хуже такого известия вряд ли что бывает, – с нескрываемым сарказмом говорил Николай Егорович. Его срывающийся голос звучал все выше, а машина вновь набирала скорость. – Моя дочь пропала! Ее нет! Ты понимаешь это? Исчезла семнадцатилетняя девушка! Где она? – грозно выкрикнул разъяренный папаша, и уставился на парня, забыв о дороге.

– Осторожно! – воскликнул Заколов, показывая на затормозившую впереди машину.

Водитель ударил по тормозам, взвизгнули шины, автомобиль пошел юзом и заглох, чудом избежав столкновения. В этот раз Тихону не удалось удержаться, и он тюкнулся голо-

вой о лобовое стекло. Николай Егорович нервно рассмеялся:

– Получил ли я известие? Ты еще издеваешься? А из-за чего я здесь? Из-за этого проклятого известия!

– Что вам сказали? – оживился Тихон, ожидая услышать новую информацию об исчезнувшей Свете.

– Что?! – у Николая Егоровича от возмущения аж глаза на лоб полезли. – А то ты не знаешь? Ну и наглец!

Тихон действительно ничего не понимал.

– Кто вам звонил?

– А то ты не знаешь?! – со злостью повторил Николай Егорович. – Наташа звонила и все рассказала. Ты же с ней рядом был! Жена как услышала – ума лишилась! Я сутки от нее не отходил, пока она в себя пришла, а потом сюда всю ночь ехал, чтобы дочь найти. Ты это понимаешь?!

Тихон понял другое. Он вряд ли узнает что-нибудь новое от раздраженного отца Светы.

– Я думал, вам звонили похитители дочери.

– Какие похитители? – Николай Егорович, выпучив глаза, надвинулся на Заколова.

Его колючий взгляд дергался по лицу Тихона. Заколов отстранился, упершись спиной в дверцу, и попытался объясниться.

– Я подумал, что Свету похитили. Знаете, как бывает на Западе? Людей похищают с целью выкупа или для выдвижения каких-то требований. Я только предположил, что похитители звонили вам и, изложили условия освобождения.

– Ты издеваешься надо мной?! – Взревел Николай Егорович. – Здесь тебе не Запад! Какие могут быть похитители? У нас такого не бывает! У нас нет похитителей, зато полно психов и уродов. Девочка пропала. Ее нет уже двое суток! Ты представляешь, что это значит? Она же совсем ребенок. Домой она не вернулась, и я здесь, чтобы найти ее и наказать уroda!

Николай Егорович включил зажигание. Ехали недолго. Водитель молчал и угрожающе сопел. Тихон боялся его потревожить. Вскоре машина оказалась между двух длинных рядов однотипных гаражей из силикатного кирпича.

Николай Егорович сбавил скорость, посматривая то влево, то вправо, будто что-то искал. Наконец он остановил машину. Резко хлопнула дверца, Николай Егорович двинулся к гаражу под номером 48.

– Помоги, – позвал он Тихона, когда снял замок и попытался дернуть провисшие гаражные ворота.

Не подозревая подвоха, Тихон подошел и с силой потянул железную створку. Николай Егорович уступил место, сделав шаг за спину. Его глаза сузились, а рука скользнула под куртку.

Внезапно гараж в глазах Тихона резко дернулся, будто подпрыгнул, а затем плавно и бесшумно свалился к ногам. На его месте Тихон увидел небо, пронзительно голубое, уже успевшее стряхнуть утреннюю белизну. Потом со всех сторон на беззащитный небосвод хлынула тьма и жадно погло-

тила дневной свет.

Саша Евтушенко пришел в институт, когда там толпились сотни абитуриентов и родителей. На их лицах отражался весь спектр возможных эмоций: от безутешного горя с рыданием и подвыванием, до безудержной радости с восторгом и гиканьем.

Саша долго пробивался сквозь гудящую толпу к стенду. Только оказавшись в первом ряду, он смог разглядеть в верхней части списка, среди немногочисленных пятерочников свою фамилию. Пошарив глазами по другим листкам, он разыскал ниже фамилию Заколова. Тихон получил четыре. Значит, неточность, о которой он упомянул, стоила одного балла.

Евтушенко обратил внимание, что список абитуриентов, получивших двойки, занимал более страницы. Это его удивило – если ничего не соображаешь в математике, зачем поступать в технический ВУЗ?

Выбравшись из душного холла во двор института, Саша нашел Бориса Махорова, меланхолически курившего под жидкой дырявой тенью небольшого дерева. Рядом с ним стояла Лиза, из-под тонкой блузки которой выпирала развитая грудь.

– Что получили? – спросил Саша.

– По трояку, – кисло ответил Борис, сплевывая под ноги. – А ты?

– Я пять, а Тихон – четыре.

– Академики! Но не горюй, Лиз, все еще впереди. Прорвемся! – бодро добавил Махоров, обнимая девушку.

Лиза нехотя прильнула к Борису, потом вдруг резко повела плечами и отстранилась.

– Мама идет, – кивнула она.

Подошла вспотевшая и сосредоточенная мать Лизы.

– Сорок четыре человека, – сказала она, погруженная в раздумья. Видя, что ее не понимают, пояснила: – Сорок четыре человека получили двойки. Выходит, число поступающих уменьшилось на сорок четыре человека.

– На сорок пять. – Сзади подошла понурая Наташа. – Света не сдавала экзамен, ее до сих пор нигде нет.

– Какой кошмар! – покачала головой Лизина мама, неприязненно косясь на Наташу. – Хоть бы о родителях подумали, прежде чем шляться неизвестно где.

– Чего такая кислая? – поинтересовался Саша у грустной Наташи.

– Три балла, – вздохнула девушка. – Чему радоваться?

– Сорок пять, – запоздало согласилась мать Лизы. – Триста пятьдесят два минус сорок пять, это какой теперь конкурс получается? – уставилась она на Евтушенко.

– Две целых и... – Саша задумался. – Около двух с половиной. Был бы здесь Заколов, вычислил бы точно.

– Много, еще много, – огорчилась женщина. – Лизка, ты хвостом не крути! Сходишь на консультацию – и сразу до-

мой, за учебники. Завтра экзамен.

Дочь покорно кивнула.

– Ну, чего будем делать? – спросил Борис, когда мама Лизы ушла. – Может, пока время есть, смотаемся на речку, окунемся.

– У меня купальника нет, – растягивая слова, вяло произнесла Лиза. Она всегда говорила медленно и лениво.

– Ну и что! У меня тоже нет! – Радостно сообщил Борис с игривым блеском в глазах. – Знаешь, что такое стилъ топлес? Это когда девушки без лифчика купаются. Прямо на пляже! На западе сейчас это очень модно. И никто не стесняется.

– Не..., я не пойду, – замотала головой Лиза. – У них там и эти есть, как их... нудисты. Совсем голые ходят, как психушные, и никто их не лечит.

– Да я не заставляю тебя раздеваться. Можно ведь купаться и в белье. Купальник – это условность.

– А ты сам девушек топлес на пляже видел? – недоверчиво спросил Евтушенко.

– В Москве, к сожалению, пока такое не принято, – расстроился Борис. – Многие дамы готовы, да мужики у нас не образованные, могут не так понять. Сорвутся... А вот в Югославии это сплошь и рядом. Мне один знакомый рассказывал. Там даже конкурс проводится: «Мисс бюст побережья». Эх, Лиза, если бы у нас был такой конкурс, я бы за тебя обеими руками и ногами голосовал.

«И прочими конечностями», чуть было не брякнул Саш-

ка.

Борис откровенно разглядывал обтянутую блузкой грудь девушки.

– Ну что, двигаем на речку? Покажем всем, как купаются в передовой Европ? – бодро предложил он.

Лиза опустила задумчивый взгляд на грудь и юбку, видимо вспоминая, какое на ней белье.

– Не-е..., не пойду, – серьезно сообщила она. – Неприлично.

Слушая их разговор, Саша живо представил, как вечерами Борис уговаривает девушку отбросить глупые условности, а Лиза каждый раз долго думает, хлопает ресницами и, медленно поворачивая голову, протяжно говорит: «Не-е...». Может, из-за такого мычания девчонок и называют тёлками?

– Я Тихона подожду, – решил Саша. – А ты, Наташ?

За разговором о топлес все забыли о ней. Грудастая Лиза затмила худенькую Наташу.

– Я в общежитие, – сказала девушка, прикрыв тетрадь маленькую грудь. – Вдруг, Света нашлась! Ее отец настроен так решительно. А потом я вернусь на консультацию.

Глава 11. Пленник подземелья

Тихон приоткрыл тяжелые веки и сразу не смог сообразить: где он, что произошло? В голове шумело, со лба стекала вода, а перед ним стоял Николая Егорович с пустой бутылкой в руке.

Тихон с трудом перевел взгляд слева направо и сверху вниз. Тесная низкая комнатуха без окон, без дверей. Под потолком тускло светила запыленная лампочка. Что-то мешало рукам сзади. Он дернулся несколько раз и понял, что крепко связан. Тихон склонил голову и увидел, что стоит на коленях на земляном полу. Он еще раз обвел взглядом пространство и догадался, что находится в маленьком погребе, который обычно делают в гаражах. Вон стоит несколько банок с соленьями, а справа дохлая лесенка ведет вверх к закрытому люку. Руки примотаны сзади к какой-то трубе, а перед ним высился, тяжело дышащий Николай Егорович.

– Ну, что, теперь поговорим? – пихнул он Тихона ногой. – Где Света?

Тихон не сразу въехал, о ком идет речь, а когда понял, то несказанно удивился вопросу, который уже два дня не давал ему покоя.

– Света? – пошевелил он губами, чувствуя нарастающий шум в голове. – Если бы я знал...

– Как не знаешь? Ты последний, кто был с нею!

– Я ее искал, но не нашел.

– Врешь! Ты придурился! Ты делал вид, что ищешь ее, а сам... – Николай Егорович шумно засопел и размазал кулаком по щекам то ли пот, то ли слезы. – Откуда у тебя ее трусики?

Тихон попытался встать с колен, постепенно осознавая, чего от него добивается разъяренный, нависший над ним человек. Ужасно болела голова, левое плечо ныло, как после вывиха, ноги затекли и не слушались, а руками невозможно было опереться. В конце концов, он с трудом поднялся и почувствовал, как в онемевшие ноги колючей проволокой начала пробиваться кровь.

– Я не знаю, где ваша дочь. Ее трусы я нашел в туалете. Это может подтвердить Наташа.

– Она сказала, что накануне там ничего не было! А на следующий день, когда ты зашел один, то вдруг сразу нашел! Откуда у тебя ее белье, сволочь? – крикнул Николай Егорович. – Ты притащил их с собой! Ты снял их со Светы! С моей девочки! Говори, что ты с ней сделал?

Хотя Тихону и удалось встать с колен, он был совершенно беззащитен перед разгневанным человеком. Николай Егорович яростно тыкал доньшком пустой бутылки в грудь Заколова. Он придвинулся вплотную, заслонив головой лампочку, и Тихон видел лишь темный силуэт, брызгающий слюной. Что он мог объяснить отчаявшемуся отцу пропавшей девушки?

– Я ни в чем не виноват, – твердил Тихон. – Я не имею к пропаже вашей дочери никакого отношения. Я так же, как и вы, хочу ее найти.

Николай Егорович с размаха ударил бутылкой Заколову под ребра. Потом отбросил стекляшку, и стал молотить кулаками, а в завершение двинул коленом в пах. От боли Тихон съехал на корточки. Хотя он и успел напрячь тело, и стойко перенес неумелые тычки, но от первого удара бутылкой и последнего пинка ногой он не мог защититься, и именно эти удары причинили сильнейшую боль.

Сидя на корточках, Тихон с трудом приходил в себя, ожидая дальнейших побоев. Он сжался и закрыл глаза, понимая, что самым уязвимым местом осталась незащищенная голова.

Он ждал новых ударов от обезумевшего человека, но неожиданно услышал бурные всхлипывания, переходящие в жуткий вой взрослого мужика. Тихон раскрыл глаза. Перед ним на коленях стоял плачущий Николай Егорович и умолял:

– Ну, скажи, скажи, я тебя прошу, что с ней? Если она жива, я все прощу. Где она? Может, между вами что-то было – такое, взрослое, а она испугалась и уехала? Я пойму. Может, она стыдится этого и прячется? Ты говори, рассказывай, что между вами произошло? Только не молчи.

– Я видел вашу дочь всего два раза. В общежитии, четыре дня назад, и на консультации перед первым экзаменом, – устало ответил Тихон. – Я с ней почти не разговаривал. Об

ее исчезновении я узнал от Наташи. Где она, и что с ней, я не знаю.

– А трусы ее у тебя откуда?

– Я уже объяснял.

– Хватит врать! – взвился Николай Егорович. – Ты сам их подбросил в туалет! Ты первым стал болтать про сексуального маньяка, чтобы отвести от себя подозрения!

Тихон молчал, а Николай Егорович говорил все громче и громче, перешел на ругань, поднялся и со словами: «Сволочь, гад, подонок!» стал методично избивать Тихона. Он долго колошматил руками и ногами, пока не устал. Его рот шумно открывался, голова качалась в такт дыханию. Он пристально посмотрел на Тихона, убедился, что тот его понимает, и четко с расстановкой произнес:

– Если не признаешься, и ничего не расскажешь, я тебя здесь сгною!

В рот Заколову впихнули противную тряпку. Заскрипела лесенка, хлопнул люк, подвал погрузился в непроглядную тьму.

Евтушенко примостился на каменном парапете у входа в институт. Отсюда он наверняка бы заметил Тихона даже в столь оживленной толпе. Ведь друг обещал, что обязательно придет.

Народ постепенно расходился. Ушли родители, кто радостный, кто не очень. Некоторые из абитуриентов подавали

апелляцию, но после ее рассмотрения быстро уходили, еще более угрюмые, чем прежде. Многие разбежались по делам, но кое-кто из абитуриентов резвился во дворе.

Прошло несколько часов. Тихона все не было. К началу консультации все вновь подтянулись в институт.

В аудитории Сашка сидел рядом с вернувшейся Наташей. Ничего нового он для себя не услышал и после окончания собрался быстро уйти, чтобы искать Тихона.

– Я останусь, спрошу кое-что у преподавателя, – сообщила Наташа.

– Только в туалет не заходи, – пошутил Евтушенко.

В общежитии Тихон не появлялся. Странно, ведь он уехал еще утром. Какие бы ни были у него дела, неужели ему не интересно узнать результат первого экзамена? Вахтерша подтвердила, что в общежитие Заколов не заходил и ключа от комнаты не брал.

Перед уходом из погребца Николай Егорович туго стянул Заколову челюсть грязной тряпкой. Скрученная ткань глубоко врезалась в открытый рот и противно пахла бензином. Густым комом поднялась тошнота, грудь сотрясали рвотные потуги.

Сдерживаться удалось недолго. Вонь душила. Несколькими бурными толчками Тихона стошнило. Тряпка мешала выходить рвоте, склизь скапливалось в горле. Чтобы не задохнуться ему приходилось сглатывать рвотную массу.

И его опять бурно тошнило.

Это продолжалось несколько раз, пока склизкая каша не вытекла изо рта, и изможденный Тихон не привык к вонючему комку тряпки.

Он распрямил согнутые ноги и блаженно вытянулся на земляном полу. Спина привалилась к железной трубе. Дурманящий запах бензина нещадно бил в нос, от эфирных волн невозможно было увернуться. Перед глазами колыхнулась темнота. Потом все закружилось и превратилось в безликое мерцающее желтое пятно. Голова безвольно упала на грудь, сознание угасло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.